

ТУЧКОВА И ОГАРЕВ

(Яхонтово. Март или апрель 1851 г.)¹

Вот, друзья, и весна пришла, у вас она лучше, я знаю, но и здесь она сидьно потрясает! Радуетесь не знаю чему и грустно, что нет близких, и рвешься к ним, а свиданье все еще вдалеке, как мираж, поминутно отдаляется по разным причинам.

Что же делать, скажите? Годы проходят; я боюсь, чтобы они многого не унесли с собой. Письмо, в котором я писала, сколько меня обрадовал присланный вами вид, не дошло до вас², но помня, моя Н(аташа), что этот рисунок – большое утешение для меня. Я взяла все меры, чтоб он не стерся, пока я жива, – и, кажется, успею в этом.

О(гарев) спит; как проснется, еще напишу.

Еще я имею здесь большое наслаждение. Два мальчика, хотя их черты грубее, однако сильно напоминают моего милого С(ашу). Паж и ее муж тоже это заметили. Паж очень счастлив, у него Тата и Леля³, и он ими исключительно занимается с утра до вечера. Сегодня мы к ним едем, потому что дети и наша старая нянюшка⁴ расхворались, а дороги такие, что счастлив, что жив останешься.

Ну, прощайте, друзья. Крепко, крепко вас обнимаю, и вас, и детей; дай руку, N(atalie), пиши; не отнимай хоть этого у нас!

Пишу под диктант: *Дела приковывают меня к месту. Отношения с людьми всё натянутые. Когда распутаются первые, то, конечно, о последних не пожалеется. Часто думается о вас, и сильная необходимость видеть вас мучит. Когда-то все это кончится и вы приедете к нам? Не знаю! Но долго продолжаться не может. Обнимаю вас крепко*^{13*}.

Ты просила книг, я припоминала, какие с тобой, из новых же у нас мало: посылаю к М.К.⁵ комедию Остр(овского). Она сделала большой шум своим появлением, но, читав (?), знаю, что он так, кажется, пройдет⁶.

¹ Основания для датировки: упоминание о двоих детях Е.А. Сатиной ("пажа") свидетельствует о том, что письмо писалось не ранее 1851 г.; к весне же 1852 г. в переписке Нат. Ал. с Герценами фигурировали уже иные сюжеты: гибель Л.И. Гага и Коли Герцена, болезнь Н.А. Герцен (см. РП IV, 127–128).

² Это письмо неизвестно.

³ Речь идет о старшей дочери Е.А. и Н.М. Сатиных – Тате (род. в 1850 г.) и сыне Алексее (род. в 1851 г.).

⁴ У Сатиных в Старом Акишене жила старушка-няня сестер Тучковых – Фекла Егоровна.

⁵ Через М.К. Рейхель, жившую в Париже, шла переписка Огарева и Нат. Ал. с Герценами.

⁶ Комедия "Свои люди – сочтемся", напечатанная в "Москвитянине" (1850, № 6, март).

С.И. И Т.А. АСТРАКОВЫМ

(с включением писем и приписок Герцена и Огарева)

Статья и публикация И.А. Желваковой

"Литературное наследство" не впервые обращается к публикации эпистолярных материалов, относящихся к многолетним дружеским связям семьи Астраковых с семьями Герцена и Огарева.

Такие материалы впервые появились в т. 62, где помещены письма С.И. и Т.А. Астраковых к Герцену и Огареву (публикация Е.Л. Рудницкой). В следующем, 63-м томе напечатаны относящиеся к Герцену фрагменты из воспоминаний Астраковой (публикация А.Н. Дубовикова). Наконец, в т. 64 выборочно напечатана часть писем Герцена и его жены к Астраковым (публикация Е.Л. Рудницкой при участии Л.Р. Ланского). Открывает эту последнюю публикацию письмо Герцена, обращенное к Н.И. Астракову, с датой 11 февраля 1832 г. – первое из известных до сих пор документов всей эпистолярной герценианы (см. XXI, 7).

Именно с Николая Ивановича Астракова, университетского товарища Герцена и Огаре-

^{13*} На этом текст, продиктованный Огаревым, заканчивается. – Ред.

ва, неперменного участника их студенческого кружка, впоследствии ученого-математика, начинается история дружбы Герцена и Огарева с удивительной московской семьей Астраковых. Письма к Астраковым адресовали на Плющиху, близ Девичьего Поля, “в приход Воздвиженья на Овражках”, в собственный дом (тот, что описан в “Былом и думах”, в рассказе о “похищении” Н.А. Захарьиной 8 мая 1838 г.) (VIII, 366–368)¹.

Здесь Астраков жил со своей молодой женой Татьяной Алексеевной (1814–1892) и младшим братом Сергеем Ивановичем (1817–1866).

С.И. Астраков, талайтливый, как и его безвременно умерший брат, был из “породы Кулибиных” – одаренных механиков-изобретателей, неумных фантазеров, не познавших радости признания. Его научно-технические предвидения простирались до “космоса и луны”. Герцен шутя, называл своего “девичпольского” друга “почтенным кондуктором дилижанса на луну”, рассказывая в Париже о его проекте машины для поездки на луну (XXIII, 30, 41).

“Жаль, смерть жаль, что твои усилия не имеют достодожного круга (...), – писал Герцен Сергею Ивановичу в одном из писем 1847 г. – Но мой совет – занимайся, пока есть какая-нибудь возможность” (XXIII, 30). И Астраков трудился, перебиваясь ради хлеба насущного, случайными заработками, по-прежнему отдавал свой талант изобретательству, разрабатывал, в частности, проект усовершенствованного вездехода на паровом ходу, воздушного шара и уже упомянутого “лунного снаряда”. Все эти проекты он надеялся осуществить в своем отечестве. Но представители казенной науки отвергли все его начинания, не проявив к ним ни малейшего интереса.

Только в немногих, ближайших своих друзьях, в первую очередь в Огареве и Герцене, находил Астраков понимание и поддержку. Для Огарева в пору его научных занятий и хозяйственных преобразований в имениях и на Тальской фабрике – 1848–1855, – где он пытался осуществить своеобразный социальный эксперимент, не было помощника и советчика ближе, чем Астраков.

После отъезда Герцена в 1847 г. за границу дом на Плющихе стал одним из убежищ для оставленных им рукописей и бумаг. Некоторые из них по его требованию были в разное время посланы ему за рубеж Астраковой, ставшей своего рода “связной” между ним и Россией.

Астракова, овдовевшая в двадцативосьмилетнем возрасте, пережила всех своих друзей. После смерти Натальи Александровны Герцен, а потом и самого Герцена и Огарева она до конца своих дней оставалась верна их памяти, бережно хранила и часто перебирала их письма, проставляла дату, если письмо оставалось “без возраста”, кое-что подчеркивала, припоминала. Она боялась, как бы после ее смерти бумаги не пропали. Когда Герцена и Огарева не стало, она отослала многие их письма старшей дочери Герцена – Тате, на которую перенесла свою привязанность к ее матери. Часть писем она отдала Т.П. Пассек, начавшей в 1870-е годы работу над воспоминаниями о Герцене “Из дальних лет”. Тогда же Пассек уговорила писать мемуары и саму Астракову.

О судьбе значительной части астраковского архива, разрозненного еще при жизни его владелицы, подробно рассказано в названной выше публикации Е.Л. Рудницкой в т. 64 “Лит. наследства” (с. 462). Напомним здесь только, что письма Герцена и его жены к Астраковым за 1832–1851 гг., переданные в свое время Астраковой Тате, после смерти последней, в 1936 г., перешли к ее младшей сестре – Ольге, а от той в 1952 г. поступили в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Эту коллекцию писем подготовил к печати Л.Л. Домгер и опубликовал их в 1957 г. в виде приложения к “Новому журналу” (Нью-Йорк), а затем издал отдельной книгой. Фотокопии писем были получены редакцией “Литературного наследства” для параллельного опубликования и переданы ею на постоянное хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

“Литературное наследство” впервые акцентировало внимание на научной деятельности С.И. Астракова (не оцененной полностью из-за отсутствия его проектов, пока не разысканных), существенно обогатило наши представления о связях московских друзей с Герценом и Огаревым. Однако о значительной части их переписки, обрывавшейся в названной публикации на 1856 г. (а ее не могло не быть и в 1860-х годах), тогда не было ничего известно.

Знали, правда, что пожар, случившийся в доме Астраковой в декабре 1884 г., унес многое. Многое, но не всё. Сообщая об утратах, Астракова писала тогда Тучковой-Огаревой: “Сгорели (пропали) все дорогие письма: Сатиной, Герцена, Огарева и – увы! – Натальи Александровны (матери) и ее портрет...” Спустя несколько месяцев, 16 августа 1885 г., она вновь писала ей, но теперь уже о счастливых находках – о том, что уцелело при пожаре: “Нашлись записочки Наташи Герцен (московские), ваши письма и Огарева из Петербурга и заграничные – все это разрознено, неполно, изорвано”². Однако судьба этой уцелевшей части астраковского архива, содержавшего, помимо писем Герцена, его жены и детей, Огарева и Сатиных,

МОСКВА. ДОМ АСТРАКОВЫХ НА ПЛЮЩИХЕ (НЕ СОХРАНИЛСЯ)

Фотографии, 1930-е годы

Литературный музей, Москва

Тучковой-Огаревой, М.К. Рейхель, Е.Б. Грановской, М.Ф. Корш (всего 182 письма), долгое время оставалась неизвестной, и лишь в 1977 г. эта часть архива была неожиданно обнаружена.

Об этой ценной находке, имеющей значение не только для герценоведения, уже было рассказано автором публикации в «Литературной газете»³. Владелица писем – Наталья Сергеевна Антушева (пенсионерка, заслуженный работник Метростроя) случайно обнаружила у себя дома связки старых бумаг, в которых встречалось имя Огарева, и позвонила в Музей Герцена. Письма принадлежали ее покойному мужу Владимиру Владимировичу Антушеву; его отцом был московский врач Владимир Васильевич Антушев, человек широких общественных интересов и демократических убеждений, причастный к революционному движению 1870–1880-х годов.

Долгое время живя в Москве на Плющихе (близ дома Астраковых), Владимир Васильевич дружил со многими известными москвичами, был любителем и собирателем книг. К нему после смерти Астраковой и перешли по ее завещанию хранившиеся у нее бумаги.

Как удалось выяснить, Е.С. Некрасова, известный биограф Герцена и Огарева, еще в 1893 г. обращалась к Антушеву-отцу с просьбой сообщить о полученных им в наследство материалах, но ответа от него не последовало. Только позднее, при посредничестве третьего лица, Антушев сообщил, что «не разбирает еще бумаги, они лежат в сарае». Затем состоялась встреча Антушева с Некрасовой – в ее дневнике зафиксировано это событие и дана полная опись материалов Астраковой⁴.

Публикуемые письма Герцена, Огарева и Тучковой-Огаревой составляют наиболее важную часть его собрания эпистолярных документов и имеют по большей части «коллективный» характер. Переписка Тучковой-Огаревой с Астраковой продолжалась и после смерти Герцена и Огарева, но в настоящую публикацию эта часть ее писем не входит (они частично используются в этом же разделе, в публикации Т.Ю. Соболев). Автором воспроизводятся лишь письма 1849–1870 гг. В основном они освещают личную жизнь корреспондентов и их взаимоотношения. Отчасти это объясняется, конечно, невозможностью открытого обсуждения по

почте актуальных вопросов общественного характера, тем более с людьми, объявленными “государственными преступниками”, но все же и подобные вопросы не оставались незатронутыми, тем более, что у Герцена для переписки с близкими из России были припасены женские конспиративные псевдонимы: *старуха, Эмилия (Емилия)* и др.

Первое из публикуемых писем Натальи Алексеевны отправлено из Крыма, из местечка Уч-чум близ Алупки. Огарев и Тучкова поселились здесь в июне 1849 г., после отказа властей выдать им заграничные паспорта и неудачной попытки нелегально выехать из Одессы к Герцену за границу на одном из иностранных кораблей.

Слухи о намерении Огарева и Тучковой покинуть Россию и об их гражданском браке, бывшем достаточно рискованным и смелым шагом в те времена, не могли не стать известными властям. Огарев опасался полицейского преследования после возвращения в свое имение. И действительно, пензенский губернатор А.А. Панчулидзе (о котором Салтыков-Шедрин говорил, что он “более двух десятилетий боролся с законом”), давний недоброжелатель Огарева, предпринял некоторые попытки упрятать в тюрьму своего бывшего свойственника (первая жена Огарева – М.Л. Рославлева была его племянницей), обвиненного им в “вольнодумстве” и “безнравственности”. Письмо Тучковой не имеет ни подписи, ни приписки Огарева, но читается как коллективное: “Мы живем в Уч-чуме...”

Ряд писем относится ко времени страшных несчастий, обрушившихся на герценовскую семью; в них отклики на эти события. В конце ноября 1851 г. до Огарева и Тучковой уже дошло (через Астракову) известие о гибели при кораблекрушении матери Герцена и его сына Коли. “Ужасно темно на душе! Что станет с ними со всеми...” – пишет Тучкова Астраковой. 8 мая 1852 г. из Ниццы идет в Россию новое письмо. М.К. Рейхель, присутствовавшая при последних часах жизни Н.А. Герцен, сообщает Астраковой о ее кончине. Несколько ранее Астраковым писала Тучкова: “Вот что, друзья, известие, которое вы нам передали, совершенно нас ошеломило... Признаться, Сергей Иванович, не чувствую ни малейшего желания греться на солнце, которое бы не согревало N(atalie)”. И приписка Огарева: “Право, Сергей, не могу писать. Так тяжело, что смерть”.

10 июня 1852 г. Рейхель вновь отправляет письмо Астраковой, беспокоящейся о судьбе осиротевших детей, где передает детали последних дней жизни Н.А. Герцен: “Первый удар нанес страшный сюрприз 16-го ноября, а потом болезнь за болезнью, моральная натяжка, всего этого было слишком”.

Говоря о “моральной натяжке”, Рейхель явно не договаривает, и Астракова, чувствуя это, вновь просит (в уже известном письме от 26 сентября / 8 октября 1852 г.) сказать “всё” о Наталье Александровне и передает просьбу Герцену (имя его не названо) прислать “какой-нибудь крошечный лоскутик ее рисованья”⁵. О Н.А. Герцен Астракова узнает многое, но не “всё”, т.к. никогда не прочтет скорбные главы “Былого и дум” о семейной драме, появившиеся в печати уже после ее смерти.

Упомянутое письмо Астраковой к Рейхель от 26 сентября / 8 октября 1852 г. и приложенная к нему записка Астраковой к Саше Герцену – “Люби и уважай своего отца...” – известны (XXIV, 517). Но вот ответы обоих Александров Астраковым, вызвавшие их “горькие, тяжелые слезы”, до сих пор числились среди писем неразысканных. Теперь это письмо “двух Александров”, отосланное на Плющиху вскоре по приезде Герценов в Лондон, публикуется нами.

Отзвук трагедии и в другом письме Герцена – от 7 марта 1853 г. (оно было до сих пор известно лишь по небольшой цитате, переданной самой Астраковой – XXV, 486). Оно написано человеком, который начал “оправляться после ряда страшных событий, несчастий, ошибок” (VIII, 10) и уже находил в себе силы взяться за главное в своей жизни – создание Вольной типографии и “Былого и дум”. Для работы над мемуарами важно было получить оставленные в Москве бумаги, и Герцен просит Астракову об их присылке: “А если кто поедет, хотелось бы мне еще письма, писанные до свадьбы”.

Образ Н.А. Герцен выступает из публикуемых писем отчетливо и масштабно. Ведь адресованы они Астраковой, лучше, чем кто-либо другой, понимавшей духовную красоту и незаурядность этой женщины. «Вы правы в одном и безусловно, – пишет Герцен 11 декабря 1860 г., – за это-то я вас всегда считал и теперь считаю в числе ближайших друзей – это в вашем суждении о Наташе. Да, это была великая натура, и вы еще ее не всю знаете. Ей я сколько мог памятник поставил – этот памятник “Былое и думы”».

По публикуемым письмам прослеживается ряд обстоятельств жизни герценовской семьи, раскрываются характеры детей, год за годом взрослеющих и “обрастающих” собственными биографиями. Если в начале переписки Саша – мальчик, игравший с Астраковой “давным-давно”, то в 1877 г. Тучкова-Огарева уже “почти потеряла счет его детям”. Новые штрихи к портрету “сердечной Таты” в прекрасном письме Огарева о детях Герцена: “В ней наша традиция не пропала”. Там же о Лизе: “Одно из самых светлых созданий”. Характеристики эти

тем интереснее, что они подчас разноречивы, потому что исходят из разных “станов” – от Тучковой-Огаревой, неистовой, нетерпимой, и от мягкой, любящей Рейхель или от Огарева, у которого нет “ничего для себя, для собственной сердечной привязанности – кроме *его*” (Герцена).

О многом Астракова по-прежнему не осведомлена, до Москвы доходят лишь неясные слухи. Тучковой-Огаревой, например, трудно объяснить Татьяне Алексеевне, отчего они все “врассыпную”, почему семья не может собраться под одним кровом и почему ее и Герцена дочь Лиза должна носить имя Огарева. Только в письме, написанном за 27 дней до смерти Герцена, Наталья Алексеевна со всей откровенностью рассказывала о своей жизни, “исполненной лишений, недоразумений, тяжелых тайн”.

Первые публикуемые письма Огарева написаны еще в России, когда он охвачен “горячкой деятельности”. Но и в этих “деловых” письмах постоянно присутствует живое участие к судьбе своего друга С.И. Астракова. Огарев обеспокоен его болезнью, занят продвижением его проектов, хлопочет в Петербурге в Академии наук о прохождении его диссертации. Отъезд Огарева в Лондон весной 1856 г. не нарушает дружеских связей. Романтик-идеалист в собственных материальных делах, без колебаний и сожалений “освобождающийся” от огромного состояния и ставший “пролетарием” в ходе своих социально-хозяйственных экспериментов, Огарев продолжает искренне верить в успех других. Он думает о создании компании на акциях для реализации проекта астраковского вездехода на паровом ходу, незаменимого при российских скверных дорогах, надеется на участие в этой компании И.С. Аксакова, приехавшего в Лондон в августе 1857 г. Мысль о научном приоритете России, о ее техническом прогрессе постоянно занимает Огарева: “Отрадней пустить проект в ход в России, чем у оных иноземцев, которые и без того богаты и промышленны, грабят свой народ и режут индейцев”.

Однако в последующей переписке эти оптимистические надежды блекнут. Об изменении взгляда Огарева свидетельствует его письмо от 1 октября 1861 г., написанное в апогее работы над “Колоколом”. Думая о России и ее будущности, Огарев не верит больше в перспективы внедрения проектов Астракова. Он пишет ему: “При этой общей системе – ни ты, ни он⁶, ни Христос ничего не сделают, и единый исход из толчения воды – это общая перемена системы”. Таков вывод, сделанный Огаревым на частном примере судьбы своего друга, вступившего в неравную борьбу с бюрократическим всевластием и научно-казенным рутинерством царившего в стране “порядка вещей”. С.И. Астраков не достиг никаких побед в этой борьбе. На его могильном памятнике друзья поместили слова: “Сломлен, но не согнут”.

Входящие в публикацию письма Герцена и Огарева богаты подробностями личной и семейной жизни. Но в целом, как уже сказано, это отнюдь не бытовая переписка. Почти в каждом письме личное соседствует с общим. И хотя адресаты Герцена и Огарева не политические или общественные деятели, а связь с Россией требует тщательной и неукоснительно соблюдаемой конспирации, в письмах лондонских пропагандистов к “неизменным старомосквцам” мы найдем высказывания широкого политического звучания, подспудно проходят мысли о необходимости подготовительной работы, свидетельствующие о поисках путей общественно-результативного действия, когда “слово” должно превратиться в “дело”.

Как и ранее опубликованные эпистолярные материалы, письма Герцена и Огарева, впервые вводимые здесь в научный оборот, проникнуты верой в то, что их деятельность на благо России будет понята и принята с благодарностью: “И ведь звоним, звоним да и думаем – авось-либо звуки дойдут до дружеских ушей – оно и весело” (п. 28).

Письма публикуются впервые по автографам ГЛМ, ф. 248, оп. 1.

В публикацию включено 19 писем и приписок Герцена и 14 Огарева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дом не сохранился.

² “Лит. наследство”, т. 63, с. 545–546.

³ “Лит. газета”, 1978, № 22 от 31 мая. См. также: И.А. Желвакова. Дом в Сивцевом Вражке. М., 1982, с. 153–186.

⁴ См. об этом: С.В. Житомирская. Первый в России музей освободительного движения (“Федоровские чтения. 1974”. М., 1976, с. 34 и “Лит. наследство”, т. 96, с. 578).

⁵ ЛЖГ II, 115.

⁶ Он – П.А. Тучков, московский генерал-губернатор, дядя Нат. Ал.

1

(Учь-чум. Июнь–июль 1849 г.)¹

Наконец, мы на месте, любезная Татьяна Алексеевна; чудесный край южный берег Крыма; жаль, что вас здесь нет, жаль из эгоизма и для природы! Вам было бы тут хорошо; знакомых можно вовсе не иметь, гулянья прекрасные, в особенности Воронцовский парк². Мы бы с вами гуляли по горам; я бы ужасно была рада вас видеть здесь с Сергеем Ивановичем! Мы живем в Учь-чуме, лучшая дача относительно вида; с нашего балкона видно море и дальний берег; горы напротив наших окон, во время грозы бывает особенно хорошо! Но горько знать, что все-таки это вроде ссылки для нас, что мы насильственно отдалены от всех людей, которых любим. Мне очень больно (от) разлуки с сестрой³, мы в первый раз расстались и, кажется, на весьма долгое время. Она не надеется приехать сюда, а мне нельзя к ним ехать, это меня ужасно мучает; вы, верно, знаете, Татьяна Алексеевна, что нам скоро надо будет оставить Крым. Мне иногда хотелось бы перевести кружок ваш сюда, здесь лучше, право, чем в Москве. Но вы на меня рассердитесь, Сергей Иванович; подумайте, что я навек хочу вас разлучить с Девичьим полем; простите, я забыла вашу страшную привычку и увлеклась желанием вас видеть. Право, нам было бы хорошо с вами и с Татьяной Алексеевной. Но если нельзя приехать, то по крайней мере напишите хоть несколько слов. Я бы хотела знать, лучше ли вам, чем при нашем отъезде, милая Татьяна Алексеевна, целую вас от всей души и вам жму крепко руку. Прощайте, а может быть до свидания. Мы увидимся.

Ваша Н а т а л ь я

Будьте так добры, Татьяна Алексеевна, отошлите эту записочку тетеньке⁴, но велите ей отдать в руки, ей одной.

¹ Условно датируется по упоминанию о приезде Н.А. Тучковой и Огарева в Крым в июне 1849 г. Содержание письма свидетельствует о том, что в Учь-чуме они только что обосновались. Первое письмо Огарева к Герцену из Учь-чума, написанное под тем же непосредственным впечатлением от встречи с одним из "самых лучших мест в мире", датировано 17/5 июля (см. *Огарев* II, 426).

² Воронцовский парк в Алушке.

³ Елена Алексеевна Сатина, урожд. Тучкова, старшая сестра Нат. Ал.

⁴ Тетенька – Мария Алексеевна Деспот-Зенович, урожд. Тучкова.

2

(Долгоруково (Яхонтово). Февраль 1850(?) г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна.

Не ожидала я, что мне надобно будет оправдываться перед вами; я думала, что вы меня лучше знаете, но я вам прощаю ваши обиды за двойную радость, которую вы мне сделали; я ужасно мучилась насчет Нат(альи) Алек(сандровны), и мне теперь ясно, что наши два письма пропали; недавно я писала с оказией, и надеюсь, что хоть это письмо дойдет до своего назначения.

Что касается до нашей переписки, то сестра² невольно виновата в том, что я не писала, потому что она мне говорила несколько раз в своих письмах, что вы собираетесь мне написать хоть несколько строк, я и ждала вашего письма. Другая причина, которая во всем мне мешает, это та, что О(гарев) беспрестанно уезжает по делам на фабрику и в Симбирск; на днях мы надолго расстались, и, что всего хуже, в этих сторонах нет исправной почты; при первой оказии я перешлю ему письмо Нат(альи) Алек(сандровны) и ваше, если вы позволите.

Не сердитесь же, Татьяна Алексеевна, а лучше протяните мне дружески руку и скажите от меня Сергею Ивановичу, что хоть он и не пишет, а я его очень люблю, и желала бы вас видеть обоих летом у себя, а не в Москве, но когда это будет?

Прощайте еще раз, любез(ная) Татьяна Алексеевна,

Ваша Н а т а

Пишите лучше на мое имя в Саранск в с. Долгоруково, а Инсар далек от нас, и мы не имеем частых сношений.

На обороте:

Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой. В Москве, на Плющихе, близ Девичьего поля. В собственном доме.

¹ Сверху позднейшая надпись Астраковой: "Россия, после 1842 г.". Месяц указан на почтовом штемпеле, на обороте письма: "Февраля 4 утра получено". Скорее всего, судя по содержанию, письмо относится к 1850 г., когда Огарев усиленно занимался расстроенными делами своей Тальской писчебумажной фабрики и несколько раз в связи с этим ездил в Симбирск.

² Е.А. Сатина в это время жила с мужем в Москве и видалась с Астраковыми.

3

(Долгоруково. 2 июля 1851 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна,

Благодарю вас от души за письмо² и за известие, которое вы нам сообщаете. Вот вам мое письмо, потрудитесь надписать адрес. Извините, что пишу второпях, опоздала немного, дни такие дождливые, что никак рано не встанешь.

Не знаю, когда мы увидимся, а очень бы хотелось. Дедушка³ стал слаб, что нас очень беспокоит, папенька⁴ думает ехать в Москву, но не знает, как бросить все дела, а мы уж не знаем, когда будем в Москве; признаться, я к ней питаю немалую ненависть; но с вами хотелось бы пожить.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, целую вас от души и жму руку Сергею Ивановичу.

Ваша Н а т а л и

О(гареву) некогда, он вас обнимает, на днях будет писать.

На обороте:

Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой в Москве. На Плющихе близ Девичьего монастыря, в собственном доме.

¹ Датируется по почтовым штемпелям.

² Это письмо неизвестно.

³ Об А.А. Тучкове-деде см. подробно в "Воспоминаниях" Нат. Ал. (Тучкова-Огарева, 19–24).

⁴ А.А. Тучков-отец.

4

(Саранск. Конец ноября 1851 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна,

Страшно грустно было читать ваше письмо; какое неожиданное несчастье и как оно поразит N(atalie)². И так нечему было веселиться, а теперь ужасно темно на душе! Что станет с ними со всеми, как перенесут это известие? Мне нечего просить вас дать знать, как скоро что услышите; я знаю, что вы вполне поймете мое беспокойство и напишете сами; вы всегда были так добры ко мне, вы, верно, не изменились, это ведь общее несчастье для нас?

Насчет письма, посланного мною вам для передачи Наталье Кирилловне, меня очень удивил ваш вопрос. Если бы оно было забыто, я бы нашла его; не пристало ли оно к конверту или не выронили ли вы его как-нибудь? Извините, что я вас прошу его поискать у себя, но ведь это только оттого, что я не могу понять, куда оно девалось. Еще просьба к вам, любезная Татьяна Алексеевна, пожалуйста пришлите мне книгу и адрес Марии Каспаровны³. Бедная Мария Каспаровна, как ей не жалеть Колю, какой он был славный ребенок!

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, жму крепко вам обоим руки, и только одно могу сказать: после такой беды, как страшно за остальных!

Ваша Natalie

Н(иколай) П(латонович) напишет с будущей почтой.

На обороте:

Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой в Москве. На Плющихе близ Девичьего монастыря, в собственном доме.

¹ Датируется по почтовым штемпелям и помете Астраковой: XII, 1851.

² Ответ на неизвестное письмо Астраковой, сообщившей о кораблекрушении, в котором погибли мать Герцена и его сын Коля.

³ *Марья Каспаровна* – Рейхель.

5

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

(Долгоруково. Январь – февраль 1852 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна,

Болезнь Сергея Ивановича тревожит нас ужасно; пожалуйста, пишите почаще об нем; прежняя тревога моя миновалась, и я перестала уже думать обо всем этом². Недавняя смерть Корсакова так горестно нас поразила, что все посторонние опасения вовсе изгладились из памяти; трудные года пришлось переживать, и всякий день меньше понимаешь, что привязывает к жизни и чего мы от нее требуем.

Н(аталя) А(лександровна) меня мучает тоже: и я не могу понять, об каких сплетнях вы хотели говорить; пожалуйста, напишите пояснее³.

Я к вам посылаю коротенькую записку, потому что не могу почти писать, рука трясется, и я расхворалась; должно быть, простудилась...

Мы часто ездим в Акшено, потому что то Елена, то дети хворали, потом для Соколова⁴ ездили; нынче сестра здесь, ей вовсе не вредит кормить, болезнь ее была случайна, ребенок здоровее старшего⁵.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, крепко жму вам руки и умоляю Сергея Ивановича лечиться и быть осторожным после болезни: он не воображает, как мучительно знать, что он болен.

Прощайте еще раз.

Ваша N.

Рукой Огарева (приписка, адресованная Астракову):

На днях Ал(ексей) Ал(ексеевич)⁶ едет в Москву. Теперь не пишу, потому что ровно ничего не понимаю. На кой черт эта болезнь? Выздоровливай поскорее. Помни, что у меня, кроме тебя, никого нет. А я имею честь предложить машину⁷, которая должна перевернуть целый свет.

¹ Датируется по упоминанию о недавней смерти (в январе 1852 г.) Г.А. Римского-Корсакова, друга Тучковых и их соседа по имению.

² Вероятно, речь идет о тревогах, связанных с неоформленным браком Нат. Ал. и Огарева.

³ Намек на увлечение Н.А. Герцен Г. Гервегом.

⁴ *Соколов* – управляющий акшенским имением Огарева.

⁵ Малолетние дети Е.А. Сатиной – *Тата* (род. в 1850 г.) и *Леля* (Алексей; род. в 1852 г.)

⁶ А.А. Тучков.

⁷ Речь идет об одном из технических нововведений Огарева.

6

(Долгоруково. Апрель (?) 1852 г.)¹

Вот что, друзья: известие, которое вы нам передали, совершенно нас ошеломило. Я ничего не могу сказать: боюсь, боюсь, как будто сейчас дверь откроется и скажут: все кончено. А между тем как долго не узнаем мы ничего. Признаться, Сергей Иванович, не чувствую ни малейшего желания греться на солнце, которое бы не со-

гrevало N(atalie). Завтра допишу, сегодня не могу. Сегодня же отсылают на почту, поэтому я беру перо, чтоб с вами распрощаться. О(гарев) не писал потому, что хочется ему писать спокойно, хорошо; а мы беспрестанно переезжали из Яхонт(ова) в Акшено. Потом Соколов задержал, и вот мы опять дома, но как грустно здесь с тех пор, как все дурные известия нас ожидают дома. Знаю я только, что очень вас обо-их люблю, и была бог знает как рада видеться с вами и пожать вам крепко руки.

Ваша Н а т а л и

Рукой Огарева:

Право, Сергей, не могу писать.

Так тяжело, что смерть. Если бы вам удалось переехать ко мне на фабрику, то я хотел бы быть с тобой², а теперь вызывать тебя на то же невыносимое положение, в котором я нахожусь, — не хочу — просто не хочу. Что есть, тем поделимся — вот что в пекуньярном^{14*} отношении, а в остальных отношениях пусть мы одни вытерпим все, что можно вытерпеть.

А насчет письма я ничего не знаю³.

¹ Датируется по упоминанию о предсмертной болезни Н.А. Герцен.

² Огарев намеревался пригласить Астракова на должность управляющего своей фабрикой. В июле 1852 г. Астраковы приезжали в Акшено для переговоров, но на переезд не решились.

³ О каком письме идет речь — неизвестно.

7

(Долгоруково. 30 июня 1852 г.)¹

Очень, очень хорошо делаете, что едете к нам², любезная Татьяна Алексеевна, мы с О(гаревым) каждый день стареем и тупеем, да и, кажется, нечему тут дивиться. — Не забудьте, друзья, оставить, кому рассудите, доверенность на получение писем от М(арии) К(аспаровны) и наш адрес. Еще одна просьба: пожалуйста, не говорите здесь, то есть у нас, что обе дочери (Герцена) у М(арии) К(аспаровны)³: это для меня очень нужно.

Прощайте, крепко вас обнимаю. Ваша N.

Вы приедете в Нижний⁴ и найдете там нашего посланного с тарантасом. Посланного зовут Семен Васильевич Курганов. Он будет справляться о вашем приезде в конторе дилижансов.

О(гарев) уезжает на фабрику, но будет дома к вашему приезду.

На обороте:

Ее высокоблагородию Татьяне Алексеевне Астраковой в Москве. На Плющихе близ Девичьего поля. В собственном доме.

¹ Почтовый штампель неясный. Позднейшая запись рукой Астраковой: 30, 6, 1851 ошибочна в отношении года. Он устанавливается по сообщению в письме о пребывании у Рейхель (после смерти Натальи Александровны) обеих дочерей Герцена — Оли и Таты (см. XXIV, 274).

² См. выше.

³ См. прим. 1.

⁴ Имеется в виду Нижний Новгород.

8

САША ГЕРЦЕН И ГЕРЦЕН — АСТРАКОВОЙ

Рукой Саши:

Лондон. (26 октября) 1852 года

Любезная Таня,

Я получил твое письмо и, прочитав его, долго думал об этих чудесных словах моей Мамаши, которые ты мне так живо напомнила¹; я буду делать все, что могу, чтоб

^{14*} денежном (от франц. рёсунiaire).

ДЕТИ ГЕРЦЕНА – САША, КОЛЯ И ТАТА

Акварель К.А. Горбунова. (Москва), 1845

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по негативу (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва)

исполнить то, о чем Мамаша меня с такой любовью просила. Я берегу одно из Мамашиных колец и особенно маленькую печать, которую она очень любила. Я не могу прислать (травку) с ее гроба: мы далеко от него².

В последнее время я все ездил с Папой и оттого мало занимался. Теперь я всего больше учусь по-английски. Я еще очень хорошо помню С(ергея). Напиши мне, что делает Петруша³. Поклонись от нас всем нашим друзьям. Я тебя целую.

С а ш а

Рукой Герцена:

Таня, – и я тебя так хочу называть – твою руку. Далеко от могилы, далеко от детей, прибит бурей к чужому берегу. Все сломилось, семья, дом, средоточье – узел развязали, и все рухнулось. О Господи, как я ждал сюда Н(атали) и ее брата⁴ и еще жду.

Посылаю волос и крепус⁵. – Брата ты обними.

26 окт(ября)

И Н.⁶

¹ Эта записка Астраковой к Саше – своеобразное наставление сыну Герцена: “Люби и уважай своего отца, употребив всю свою нежность на то, чтобы утешить его и заменить ему хотя часть того, чего он лишился в твоей матери”. Послана с письмом к Рейхель 8 октября 1852 г. (XXIV, 517).

² В той же записке Астракова спрашивала Сашу: “Бываешь ли ты на могиле своей матери? – пришли мне с ее холмика какую-нибудь травку”.

³ П.А. Захарьин – брат покойной Н.А. Герцен, дядя Саши.

⁴ Огарев назван здесь так из конспиративных соображений.

⁵ Герцен собирался отправить Астраковой на память и кое-что из “вещиц” Н.А. Герцен (см. XXIV, 378).

⁶ Одна из конспиративных подписей Герцена в письмах в Россию. Инициалы предположительно расшифровываются И(скандер) Н(ерзен).

ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

(Лондон.) 7 марта (1853 г.)

Милая Таня, как же ты не догадалась, что если не было векселя, то следовало за получением денег сходить к Редлиху и Колли¹. Получила ли, наконец, 1000?

Слушай мой глубокой приказ и просьбу, мне непременно хочется портрет аквар(ельный), деланной Горбуновым, который у тебя (вели срисовать для себя)² – бога ради, пришли мне его, если не с кем, то нельзя ли через банкира, пошли к Ротшильд-у в Париж для передачи Мар(ии) Каспар(овне). А если кто поедет, хотелось бы мне еще письма, писанные до свадьбы³. У меня – как у тебя, Таня, – есть прошедшее, я его перебираю, а настоящее пусто, бесцветно, только больше презрения всё к людям и недоверия – и чем ты больше от них удаляешься, презираешь – тем больше они в ногах и кланяются. – Пошли эту записку сестре⁴. Скажи С(ергею), что Саша много занимается математикой и под хорошим руководством⁵.

Целую вас и благословляю из моей дали.

Очень больно, что я в разлуке с детьми, – но держусь за М(арию) Кас(паровну) обеими руками. А там, где она, трудно день прожить, а не то что год⁶.

Посмотрим, посмотрим да с детьми со всеми пушусь куда-нибудь в даль.

Поверите ли, как все гадко. Вот люди-то... – ох, хоть бы побывать денек, другой⁷.

¹ В письме к Герцену от 11/23 декабря 1852 г. Астракова просила дать ей денег взаймы (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 15–16). Герцен откликнулся на эту просьбу высылкой 1000 франков, о чем сразу же извещил Астракову. В письме от 8/20 января 1853 г. (ответом на которое и является данное письмо) Астракова писала, что деньги все еще не получены (см. там же, с. 18). Тогда Герцен порекомендовал ей обратиться за получением денег к владельцам банкирской конторы Редлиху и Колли. Через эту контору осуществлялись денежные связи Герцена с Россией (см. XXV, 14).

² Судьба портрета Н.А. Герцен (работы К.А. Горбунова), посланного в Лондон в июне 1855 г. с П.Л. Пикулиным, неизвестна (см. XXV, 370).

³ Переписка Герцена с невестой была прислана в Лондон в 1856 г. Об этом он пишет в "Былом и думах" (см. VIII, 389). Повторяющаяся просьба Герцена о пересылке писем с первой оказией, передававшаяся в письме Нат. Ал. к Астраковой от 24 ноября/6 декабря 1856 г., была вызвана тем, что за целый год не доставало писем, "писанных до свадьбы".

⁴ Имеется в виду записка Герцена к Огареву и Тучковой-Огаревой от 7 марта 1853 г. (см. XXV, 27). В сохранившемся автографе внизу листа следы обрыва; это заставило комментатора записки предположить, что на оторванной половине листа находилось несохранившееся письмо Герцена к Астраковой (см. XXV, 372). Однако найденный текст написан на отдельном листе.

⁵ Уроки математики Саша брал у известного польского революционного эмигранта С. Ворцеля.

⁶ Герцен говорит об усилении реакции в бонапартистской Франции. Рейхель жила тогда в Париже, куда, по просьбе Герцена, взяла его дочерей.

⁷ Ответное письмо Астраковой см. в "Лит. наследстве", т. 62, с. 18–21.

Любезная Татьяна Алексеевна,

⟨Так как⟩ здоровье дедушки не очень поправляется, то я думаю ехать на несколько дней в Москву с ним повидаться; жду только, чтоб решительно была зима или осень, а то не знаешь, в каком экипаже ехать; итак, мы скоро увидимся, я хотела отвечать ⟨на⟩ "предлинное" письмо Сергею Ивановичу насчет невозможности нашего переселения; приехать на несколько дней сложно, но все же нельзя надолго оставить дела; вы знаете, почему они нам близки к сердцу, дела, деньги дают единственную надежду на осуществление нашего постоянного желанья².

Пока прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, вашу руку и вашу тоже, Сергей Иванович.

Я и не воображала, что придется ехать нынешней зимой в Москву, зато увидимся и переговорим лучше, чем на бумаге. Я нахожу, что письма только хороши после недолгой разлуки, тогда так легко понимать друг друга. Что за известие издалека?

Машенька и Елена вам очень кланяются. Елена зимой собирается в Москву месяца на два.

Прощайте еще раз. Вся ваша N.

¹ Письмо написано не позже 1853 г., т.к. дед Нат. Ал. А.А. Тучков был еще жив. Надо думать, что ее отец, о посещении которого в Москве она ничего не пишет, уже находился в Яхонтове, куда ему весной 1852 г. было разрешено возвратиться.

² Намек на предстоящий приезд за границу, к Герцену. Отметим, что в конце 1853 г. брак Нат. Ал. и Огарева был официально оформлен.

11

ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

(Петербург.) 18 декабря (1855 г.)¹

С ума ты сошел, друг, что выдумал какие-то приемы и хочешь что-нибудь на них основать. Завтра или послезавтра я буду у Перевощикова и переговорю². Я затормозился: во-1-х, потому, что дело мое идет хорошо, во-2-х, что поэма, которую я читал тебе³ и Мих(аилу) Сем(еновичу)⁴ производит здесь фугог и, кажется, пропустится с весьма малыми пропусками⁵. Все затронуто: и стремление к водолечению и самолюбие. – Больше ничего теперь не могу сказать. Еду в оперу. Оба мы вам обоим или, лучше, троим salutem^{15*} даем.

Твой О г а р е в

Рукой Тучковой-Огаревой:

Два часа ночи, поэтому ничего не могу написать, а только жму вам обоим руки.

¹ Год устанавливается по содержанию письма: в ноябре 1855 г. Огаревы вновь приехали в Петербург хлопотать о заграничном паспорте. Датировка подтверждается позднейшей пометой Астраковой на письме: "Россия. СПб., 1855".

² Огарев хлопотал в Академии наук о принятии к защите диссертации С.И. Астракова и о рассмотрении ее видными учеными.

³ Поэма "Зимний путь", которую Огарев с большим успехом читал в литературных гостиных Петербурга.

⁴ М.С. Щепкин.

⁵ Поэма была напечатана в "Русском вестнике" (февраль, № 1, 1856 г.) с рядом цензурных купюр.

12

ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

(Петербург.) 6 января (1856 г.)¹

Друг Сергей, я перед тобой страшно виноват, ибо занялся своим делом и бездельем и только сегодня был у Перевощикова. Решение вот какое: тебе приезжать не нужно; только пришли диссертацию на имя секретаря Академии. Перевощиков говорит, что ручается за честность разбора. Разбор будет произведен Якоби, Ленцем и Чебышевым. Перевощиков принял меня так хорошо, что я, по глупости моей, дошел до умиления. А говорят, что он подлец! фу! ты господи боже мой! Что же после этого хорошего на свете? – Кавелин... и только!² – Да и то если бы ты знал как здесь странно всё и все! – в четверг моя судьба окончится, и мы скоро увидимся³.

О г а р е в

Наташа спит. – Прощай навек.

¹ Год устанавливается по содержанию письма.

² Чем была вызвана отрицательная оценка Огаревым К.Д. Кавелина, неизвестно. Она дана задолго до

^{15*} привет (лат.).

идейно-политического разрыва с ним издателей "Колокола", датируемого 1862 г., и относится, по-видимому, к осуждению каких-то его поступков или высказываний. Однако, судя по позднейшим отзывам даже таких политических противников Кавелина, как Добролюбов и Чернышевский, по своим личным достоинствам он пользовался превосходной репутацией.

³ Речь идет о скором получении заграничных паспортов (выданы в январе 1856 г.) и о предстоящем приезде в Москву.

13

(Москва. Февраль 1856 г.)¹

Огареву получше, спал хорошо. Сегодня целый день будет дома, а завтра поутру хочет хлопотать по делам; по-моему, это слишком рано, но ведь с ним не сговоришь, и сегодня с трудом уговорила дома посидеть. Приходите когда вам удобнее, Ог(арев) так желает вас видеть, а время уже мало. Кажется, мы не поедем в Петербург, а прямо в Варшаву.

До свидания, Т(атьяне) А(лексеевне) напомните (о) нас обоих; может, она соберется еще взглянуть на дом Фишера².

Крепко жму вам обоим руки, и Ог(арев) тоже.

Вся ваша N.

Вторник

¹ Датируется по упоминанию о предстоящем вскоре отъезде Огаревых в Лондон. Они выехали за границу из Москвы 4/16 марта 1856 г., как и предполагали, через Варшаву, не заезжая в Петербург.

² В доме Фишера на 3-й Мещанской в Москве жили в это время Сатины. По-видимому, Огаревы оставались там.

14

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

(Лондон.) 24 ноября/6 декабря (1856 г.)¹

Вот уже несколько дней как мы получили ваши письма², любезная Татьяна Алексеевна, но все это время я не могла найти совершенно свободного времени. Вчера мы праздновали именины Саши и Ем(илии)³, а сегодня Ог(арева) рождение. Хотелось бы вместе с вами отпраздновать, но когда еще вы соберетесь сюда, а весело бы было всем вспомнить старину; все бы помолодели. Папа обещался приехать сюда в фев(рале), не знаю, сдержит ли слово. Ем(илия) велела вас успокоить насчет писем, она просит только переслать их с первой верной оказией⁴. Я думаю если С(атин) будет в Москве, вы бы могли ему передать их, он чаще может иметь случай переслать, а уж насчет его исполнительности вы можете быть покойны. Ем(илия) давно мне говорила, что недостает писем за целый год, я не понимала и думала: уж не я ли потеряла их? Писала к Елене, она все мои вещи перебрала и все ничего не нашла.

Я что-то очень глупа после именин, шум этот, суета страшно утомляют меня, должно быть я очень состарилась. Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, крепко жму вам руку, Сер(гею) Ив(ановичу) тоже.

Вся ваша N.

Никифору⁵ поклонитесь от меня, скажите, что я очень рада знать, что он любит стихи Ог(арева).

Рукой Огарева:

И от меня.

Так что-то глуп и ленив, что ничего не напишу сегодня, кроме того, что напишу. Жду статьи. – Вчера в газетах писали об одной женщине, которая умерла 101 года, имея дочь 75 лет; последние 71 год своей жизни она не выпускала трубки изо рта. Это я пишу по совету Эм(илии), чтобы показать Тат(ьяне) Ал(ексеевне) утешительную многолетнюю будущность, ибо это ясно доказывает, что трубка женщинам не

вредна⁶. – Прощайте, крепко жму вам руки и жду письма и статьи. Я уже об ней говорил и с достодоложной значительностью и осторожностью (дабы не украли в Академии) примусь за дело⁷.

Рукой Герцена:

Я душевно рада, что письма нашлись, ну что же за беда, вы пишете, как о несчастьи, – поедет хороший человек, ну и посылайте с ним. – Все темные да темные мысли. – Серг(ею) Ив(ановичу) поклон и вас обнимаю.

Ваша Е м и л и я

Нельзя ли узнать, что делает и где живет Прасковья Петровна Медведева – и что ее детки⁸.

24 нояб(ря)

6 дек(абря)

¹ Месяц и число указаны в конце приписки Герцена к этому письму. Год устанавливается по упоминанию об обещании отца Нат. Ал. приехать в Лондон в феврале 1857 г. (приехал в конце июня – см. XXVI, 102).

² Эти письма Астраковых неизвестны.

³ *Емилия (Эмилия)* – как уже сказано, одно из конспиративных имен Герцен в переписке с Россией.

⁴ См. примеч. 3 к п. 9.

⁵ *Никифор* – слуга в доме Астраковых.

⁶ Астракова всю жизнь курила трубку с длинным чубуком, и ее друзья нередко подшучивали над ней.

⁷ Герцен и Огарев просили Астракова о присылке его статей, в частности, о проекте “вездехода” на паровом ходу. Некоторые из этих статей были получены (см. “Лит. наследство”, т. 62, с. 11).

⁸ *П. П. Медведева* – вятская возлюбленная Герцена (Р. в “Былом и думах”). Герцен справлялся о ней в связи с намерением напечатать XXI главу “Былого и дум”, в которой рассказывал о их романе (см. XXVI, 48).

15

ТАТА И ОЛЯ ГЕРЦЕН, ГЕРЦЕН, ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

(Путней. Конец марта) 14/2 апреля (1857 г.)¹

Рукой Таты Герцен:

Милая моя Таня, я тебя так называю, потому что Мамаша тебя так звала.

Мне бы очень хотелось тебя видеть да и в России побывать; год тому назад мне было все равно, но вот Натали приехала и мне много хорошего рассказала об России, так что мне теперь очень хочется ее увидеть. Мы были в панораме, где показывали русские виды, я не могла судить, а Папá говорит, что они нехороши.

Прощай. Целую тебя. Твоя Т а т а

Рукой Тучковой-Огаревой:

Любезная Татьяна Алексеевна,

Вот уж тысячу лет как я собираюсь к вам писать, и все что-нибудь мешало, дети тоже захотели вам написать хоть несколько строк. Что вы поделяваете, как живете-можете? что Москва? Видели ли вы С(атиных)? Ребятишки их растут и все становятся милее², хотелось бы мне на них взглянуть, да бог знает когда приведется. Не сердитесь на меня и не платите злом за невольную вину, любезная Татьяна Алексеевна, то на душе было темно, не писалось, то дети закапают готовое письмо, досадно, и долго не соберешься опять.

Прощайте, будьте здоровы и протяните мне ваши и ваши руки так дружески, как я вам свою протягиваю.

Вся ваша N.:

Пишите с папá длинное письмо³.

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ И Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Фотография. Лондон, 1857

Внизу (на изображении) надпись: "2 Июнь 1857"

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Рукой Оли:

Милая Таня. Я немного выучилась по-русски, вот и пишу к тебе. Natalie говорит, что ты очень любила маму.

Прощай. Целую тебя, твоя О л я

Рукой Огарева:

14/2 апреля

Я думаю, недели две, а пожалуй, и больше лежит у меня на столе это письмо, друг Сергей, и все что-то не пишется. Наконец самому гадко, что так давно не пишу

к тебе; а сказать, что сегодня нашло расположение поговорить о многом, – тоже соврешь. Пишу для того, чтобы вы не оставались без известий. Что сказать? “Плоски и отвратительны кажутся мне обычаи этого мира”, – говорит Гамлет⁴, которого ты не расчухал по свойственной тебе капризности логики. К этому изречению многого не прибавишь. Говорить бы и хотелось, а писать – нет; тем больше нет, что я про себя (т.е. не то что о себе, а про себя в смысле монолога) писал и пишу довольно. В самом деле, я-таки поработал в этот год, а все кажется мало. Деятельность, братец, да и только! А ведь год-то прошел, так-таки и прошел. Много в нем было хорошо, многое неутешительно. Вообще надежды и сомнения проходят через всю жизнь под формулой $+ - = 0$. Я с некоторых пор убедился, что иначе и быть не может: вещество состоит из ряда точек, из которых каждая $= 0$; движение состоит из ряда мгновений, из которых каждое $= 0$; да и самый нуль есть уравнение плюса и минуса; а жизнь, выходит, это колебание между плюсом и минусом, которое и в сущности и в конечном результате все-таки равно нулю, выходит вечное противуречие $+$ и $-$, равное 0 . Неутешительно, скажешь ты. Но примем это за факт и успокоимся. В этом колебании случаются и свои хорошие стороны, свои удовлетворения и наслаждения. Ну и слава богу! – А что ж ты не шлешь своей статьи?⁵ Копотлив ты тоже. – А математик, который бы мог помочь мне перевести ее, – умер. Хороший был человек, страшно хороший человек⁶, а все же уравнение покончено, $+ - = 0$. – Найду другого, который поможет; просьба – присылай статью. – Завтракать зовут. Прощай! Обнимаю вас крепко. Не сердись и пиши.

Здоровье мое быкородно, а сознание всеобщего нуля доставляет мне истинное спокойствие духа.

Рукой Герцена (приписка сверху на полях):

А я на старости лет пишу, но вверх ногами – милые, добрые, девичепольские друзья – словно мы стали поближе с тех пор как вашего брата у нас на Темзе прибыло⁷. Ник(олай) Пл(атонович) толкует о 0 и $+$, а все-то вместе ничего с плюсом.

¹ Приблизительная дата устанавливается по содержанию письма.

² Дети сестры Нат. Ал. – Е.А. Сатиной: Тата, Леша, Коля, Саша.

³ В Лондоне ждали приезда А.А. Тучкова (см. прим. 1 к п. 14).

⁴ Цитата из одноименной трагедии В. Шекспира (д. 1, сц. 2-я).

⁵ Статья по теории воздушного снаряда, которую Астраков не мог завершить без окончательных результатов опыта. Этот опыт он собирался произвести у себя на Плющихе (см. “Лит. наследство”, т. 62, с. 22).

⁶ Имеется в виду С. Ворцель.

⁷ Речь идет о приезде Огарева и начале совместной деятельности его с Герценом.

16

ОГАРЕВ И ТУЧКОВА-ОГАРЕВА – АСТРАКОВУ

(Путней.) 10 июня/30 мая (1857 г.)¹

Рукой Огарева:

Друг Сергей, сегодня пишу только несколько строк. *Сейчас* получил твое письмо² и *сейчас* стану писать к Сат(ину). – Адресуйся к нему. Напишу ему все как елико возможно сделать. Боюсь, чтоб время не ушло. Я уже намерен писал, потому что в прошлом письме Тат(ьяна) Ал(ексеевна) говорила о доме, но еще неопределенно³. А теперь во что бы ни стало. Итак, пиши к Сат(ину) тотчас подробности дела: кто твой кредитор, можно ли уплатить часть и взять отсрочку на остальное, или как иначе; словом, как облегчить дело⁴. Посылать отсюда боюсь опоздать, – и пишу, не успев обдумать что и как. – Прощай, обнимаю вас крепко. – Время чудесное! А что? – не станешь ли искать профессуры в Иркутске⁵ – Оно бы интересно, разве только одиночество страшно! – Пиши же тотчас после сего письма, что и как; жду окончания твоего дела⁶ с нетерпением. – Письмо твое шло 11 дней.

Рукой Тучковой-Огаревой:

Ваше письмо нас очень взволновало, тяжело видеть, что из-за денег приходится выстрадать; больно мне, что нас нет с вами, в беде лучше прижаться друг к другу. Надеюсь очень, что С(атин) все уладит, но все же страшно и больно думать, что мы еще долго не узнаем, как все устроилось. Пишите же всю правду, Татьяна Алексеевна. Жаль и досадно, что С(атин) уже в деревне, это тоже делает замедление. Я мысленно переносусь на Плющиху, и мне страшно становится, зачем это хорошие люди предназначены мучиться, тогда как что не есть хуже на свете живет себе спустя рукава?

Хочется писать больше, но Ог(арев) торопит, а дети болтают; ничего в голову нейдет. Прощайте, обнимаю вас крепко.

Вся ваша N.

¹ Год устанавливается по содержанию письма: летом 1857 г. Герцен и Огарев обсуждали меры о помощи Астраковым, задолжавшим кредиторам.

² Письмо Астракова неизвестно.

³ Это письмо Астраковой также до нас не дошло.

⁴ Дом Астраковых на Плющихе был заложен, и кредиторы требовали немедленной выплаты долга. Опасаясь, что Астраковы могут потерять свой дом, Огарев в письме от июля–августа 1857 г. просил Н.М. Сатина принять участие в их судьбе, а сам брал на себя материальную помощь: “Если ты для Астр(аков) займешь денег, то проценты плати из моих процентов” (РП IV, 166).

⁵ В поисках подходящей деятельности Астраков, потерявший “даже свои лекции в пансионах” (XXV, 341), был готов на отъезд из Москвы.

⁶ Очевидно, речь идет о рассмотрении диссертации Астракова в Академии наук (см. п. 11).

17

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

(Путней.) 27/15 июня (1857 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна,

Вы на меня никогда не сердитесь за то, что редко пишу, письмам моим не судьба доходить до вас. О(гарев) не позволяет писать мне одной, а когда он возьмет письмо, чтоб приписать, то и не дождешься сто лет, вот и теперь одно письмо лежит у него, но я вам его не посылаю, оно так устарело, что решительно не стоит пересылки. Дети очень обрадованы были вашим письмом²: сегодня они не успеют вам отвечать, Впрочем, право, пишется – не пишется, потому что все кажется, что письмо так пролежит месяца два, а вы на меня, пожалуй, рассердитесь.

М(ария) Ф(едоровна) была у нас, я бы очень желала, чтоб вы с ней увидались, это будет лучше письма, она везет вам наши портреты³, а детских у меня не было готовых; я вам пришлю с папá, жаль мне очень, что он вас не застал и не мог приехать в другой раз, а свежие бы новости от вас привез и письма, но не сердитесь на папá, ведь вы знаете его страсть ездить курьером.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, целую вас крепко, дети тоже поручают поцеловать вас за них.

Дайте вашу руку, Сер(гей) Ив(анович), когда-то мы увидимся, а право, от души бы хотелось, прощайте,

вся ваша N.

Рукой Герцена:

И я, вживе находящаяся сестра ваша⁴ – много кланяюсь; вероятно, а Мар(ия) Фед(оровна) передала поклоны, и Пикуша наконец вручил порт(рет)⁵.

Рукой Огарева:

Неделю тому назад, друг Сергей, я получил твое письмо и тотчас писал Ник(олаю) Мих(айловичу), чтоб распорядился окончательным выкупом дома⁶. Вероятно он тотчас и принялся улаживать это дело и после Нижегородской ярмарки покончит. Пиши и ты к нему. Хотелось бы, чтоб ты успокоился, друг

мой, поскорее. А теперь о деле: я тебе советую прислать мне статью поскорей о твоём паровозе, покорооче, сделай из нее извлечение самое кратчайшее, чтоб уместилось в письме; сделай, так сказать, конспект статьи без особых математических выкладок; может, я буду иметь случай дать твоему проекту ход. Но как получишь это письмо, так и займись этим и пришли как можно скорее. Больше нечего теперь писать. Мы теперь веселы; только вас недостает. Целую вас всех крепко, крепко.

А(лексей) А(лексеевич) вам кланяется. Был у нас, но не застал, а пробыл только несколько часов и потому вдругорядь не был.

¹ Год устанавливается по упоминанию о приезде в Лондон М.Ф. Корш 1 июня/20 мая 1857 г. и А.А. Тучкова – в 20-х числах июня того же года.

² Письмо это неизвестно.

³ М.Ф. Корш везла фотографию 1857 г., на которой Герцен, Огарев и Нат.Ал.

⁴ Напомним, что Герцен пишет от имени “Емилии”, “сестры”.

⁵ *Пикуша* – П.Л. Пикулин. Был в Лондоне в 1855 г. О каком портрете идет речь – неизвестно.

⁶ См. прим. 4 к п. 16. Письмо Огарева к Сатину хранится в РГАЛИ в фонде Сатиных (ф. 476, оп. 1, ед. хр. 45).

18

ОГАРЕВ, ТАТА ГЕРЦЕН И ТУЧКОВА-ОГАРЕВА –
АСТРАКОВУ

(Путней. Между 20 и 23 августа 1857 г.)¹

Рукой Огарева:

Друг Сергей, это письмо тебе доставит И.С. Аксаков, которого я очень люблю и уважаю. Поговори с ним о своем паровозе; если для него можно устроить частную компанию, то было бы всего лучше. Объясни возражение, сделанное г(раф)ом Г–м, которому Чевкин поручал рассмотреть проект²; оно так ничтожно, что, может быть, частная компания и решится что-нибудь предпринять. Я, с своей стороны, узнал, что мной придуманным путем нельзя адресоваться раньше зимы или ноября. Стало, мое мнение подождать и, уже испытав все средства, привести все дело в действие – без успеха, – представить проект в Парижскую Академию, и то очень осторожно, ибо народ такой милый, что того-гляди украдут³, что мне наивно объяснял один очень добросовестный французский медик и профессор с большим талантом. Вот положение дела, друг мой. Мне бы всего было приятнее, если бы через посредство И(вана) С(ергеевича) устроилась частная компания для опыта и потом правительство разрешило бы и существование компании и самое дело. Твой же проект мне бы очень хотелось видеть осуществленным в России, да и всего полезнее он у нас; а теперь при новых железных дорогах твой паровоз стал бы скривлять все подвозы к дорогам⁴. А печатать отнюдь не позволяй: печатаньем ты дашь право всякому, изменив безделицу, выдать проект за свой, и тогда для тебя весь твой труд был бы потерян. И(ван) С(ергеевич) может тебе засвидетельствовать что я на вид совершенно здоров, но, так как в сущности нездоров, то вина не пью, работаю и наслаждаюсь деревенской жизнью возле города и пр., и пр., и пр. За сим обнимаю тебя и Т(атьяну) А(лексеевну) и Астрак(ова)-junior’a⁵. Будьте все здоровы и невредимы. Скоро напишу тебе отчет о Хрустальном дворце⁶, что должно тебя интересовать, а я намерен его немного изучить; до сих пор ленился и только раз посмотрел вскользь.

Рукой Таты Герцен:

Милая моя Таня, я не помню, как (я) называла булавки пу-ка-ка. Я очень хорошо помню, как мамаша нас любила, и ее никогда не забуду. Я буду тебе писать часто. Сашу я за тебя обняла и папашу тоже и сказала им тебе почаще писать. Я спросила Сашу, помнит ли он тебя и Сергея Ивановича, он сказал, что хорошо помнит.

Последние недели приезжало к нам много русских⁷.

После моих именин я тебе еще письмо напишу и расскажу, как провела их.

Прощай, милая Таня, тебя я не забуду, целую тебя и Сергея Ивановича, Оля тоже.

Твоя Т а т а

Рукой Тучковой-Огаревой:

Целую вас, любезная Татьяна Алексеевна, и вас тоже, Сергей Иванович, Ак(саков) сейчас едет, писать некогда, портреты опять не приготовила.

Простите еще раз, вот для Елены пакет, вся ваша Н.

На обороте:

На Плющихе, близ Девичьего поля, в собственном зеленом доме.

¹ Письмо датируется по указанию на приезд И.С. Аксакова, прожившего в Лондоне несколько дней в 20-х числах августа 1857 г. (24 августа он уже был в Брюсселе). На письме позднейшая помета Астраковой карандашом: "*Июль – август 1857 ? и после?*"

² Астраков был принят К.В. Чевкиным, главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий, являвшимся одновременно членом Комитета для рассмотрения предложений о сооружении железных дорог (см. XXVI, 21 и "Лит. наследство", т. 62, с. 11). Кому именно Чевкин поручил рассмотрение проекта, не установлено.

³ Эти опасения Огарев высказывал в ряде своих писем к Астракову (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 11).

⁴ Астраковский вездеход предназначен был для преодоления русского бездорожья. Одновременно он должен был и трамбовать прокладываемые им дороги. Но эту вторую свою функцию вездеход не выполнял, т.к. прорывал в дорогах глубокую узкую колею (см.: О.Н. Х а р и т о н о в а. Анализ технических идей и проектов в письмах Астракова С.И., – сб. "Труды XVII научной конференции аспирантов и младших научных сотрудников Института истории естествознания и техники АН СССР". М., 1975, с. 152–157).

⁵ Младший брат С.И. Астракова – Михаил.

⁶ *Хрустальный дворец* – здание, построенное для первой Всемирной выставки в Лондоне. О нем писал Чернышевский в "Что делать?"

⁷ См. XXVI, 113–114.

(Путней. Середина ноября 1857 г.)¹

На днях пришло ваше письмо², любезная Татьяна Алексеевна. Мы все живы и здоровы; право, мне смертельно больно, что мы вас так часто тревожим, но Ог(арев) так ревнив к вам, что он не дает мне писать одной, а его не дожدهшься, он страшно занят³; вот так время и идет, все завтра да завтра напишем.

Вы спрашиваете о детях; всегда радостно, когда ими интересуются, а в особенности столь близкое их матери существо. О Саше трудно говорить еще как о молодом человеке, он еще не совсем сложился, но все, что вы говорите, совершенно оправдано им, он имеет очень прямой и благородный характер, занимается очень хорошо и предпочтительно любит естественные науки, его мечта когда-нибудь быть в Москве профес(сором) по этой части. Теперь о меньших, Тата очень милая и кроткая девочка, я вам писала о ней очень подробно, но, должно быть, письмо пропало. Она очень откровенная и любящая натура, учится довольно хорошо, мне очень хочется прислать вам ее рисунок, она очень порядочно рисует, теперь стала хорошо играть на фортепьянах, любит историю, но естественные науки ее гораздо больше интересуют, только трудно найти здесь учителя, а Саше нынче некогда. Он зимой уезжает с утра и возвращается только вечером к обеду и тотчас после идет к себе заниматься. Остается познакомить вас с Ольгой, это, кажется, самая умная головка, она и лицом и характером похожа на Е(милию). Страшно любит свободу, учится очень легко и хорошо, когда хочет, и она уже играет на форт(епьяно), у нее чудный слух, и я надеюсь, что из нее выйдет музыкантша. Обе они поют немного, вот и теперь учат к Ольгиному рождению русские песни⁴, мы делаем сами себе сюрпризы, и я иногда с ними наряжаюсь, потому что иначе не составить пары, даже и О(гарев) с нами наряжался прошлого года для рождения Е(мили). О(гарев) – настоящий русский мужик в красной рубашке, все здесь были в восторге от наших

СБОРНИК РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ СЕМЬЕ ГЕРЦЕНА
 Обложка

Музей Герцена, Москва

"Обе они (Тата и Ольга) поют немного, вот и сейчас учат к Ольгиному рождению русские песни (...)"
 (Н.А. Тучкова-Огарева – Т.А. Астраковой, (середина ноября 1857 г.))

национальных костюмов. Забыла сказать вам их лета. Саше 18, Тате через два мес(яца) 13, Ольге на днях семь. Саша и Тата очень велики, мы можем с Татой надевать одни ботинки, перчатки, но Ольга страшно мала; впрочем, надеюсь, что она скоро вытянется, потому что нынче очень здорова; только у всех трех изредка бывают наследственные головные боли, как у Луи(зы) Ив(ановны) и у Ем(илии).

Ну вот, любезная Татьяна Алексеевна, я исполнила ваше желание. Только теперь вспоминаю, что главного не сказала, да, не только Саша, но и Тата помнят N(atalie) и имеют то религиозное чувство любви, которое должно быть к такой матери.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, мне что-то нездоровится; вот у вас болят зубы, и я все время страдала флюсом, здесь дома так сыры. Прощайте еще раз, целую вас крепко.

Вся ваша N.

Сер(гею) Ив(ановичу) дружески жму руку.

Рукой Герцена:

Уж и меня, старуху, вы обвиняете, что мало пишу – да ведь и рада бы в рай, да грехи не пускают, не знаю, что писать. Помню вас и люблю от души. Е м и л и я.

Вере Арт(амоновне)⁵ при поклоне сообщите, что Егору Ив(ановичу)⁶ писано чтоб он ей выдал 50 руб.

Рукой Огарева:

Шибко виноват, друзья мои, что так давно не писал к вам. Занят ужасно и ужасно ленив. Ленив, потому что занят, – что за ахинея! – Да, вдобавок, друг Сергей, в это время мне сделали операцию с торжественным успехом⁷, и потому есть больше чем надежда на очень вожденное здравие. Вероятно, ты по этому случаю отслужишь молебен и свечу поставишь. Странно, что до тебя ничего не доходит. А о тебе и о твоём проекте, сказывали мне, осведомлялся гр. Уваров, который назначен помощником попечителя и, говорят, хотел тебя видеть. Не худо тебе сходить к нему тотчас; сказывают, очень хороший молодой человек. Если же и тут не будет успеха, то я пушу твой проект, по первому твоему согласию, в какие-нибудь торговые компании⁸. Мне академии страшны: то же выйдет, что у Чевкина, т.е. 0, да еще, пожалуй, украдут проект, тогда ни чести, ни барыша не будет. Но прежде хочу знать виделся ли ты с графом^{16*9}, ибо отрадней пустить проект в ход в России, чем у оных иноземцев, которые и без того богаты и промышленны, грабят свой народ и режут индейцев. Прощайте, друзья мои, крепко вас обнимаю и возвращаюсь к работе.

Пиши на наше имя – London, Care of M-r Rothschild, City¹⁰.

¹ Датируется по указанному Нат.Ал. возрасту детей – Ольга родилась 20/8 ноября 1850 г., Тата – 25/13 декабря 1844 г., т.е. не через два, а через полтора месяца Тате исполнилось 13 лет. На письме позднейшая помета Астраковой: “Лондон, 1857, конец X или нач. XI ст.ст.”.

² Письмо Астраковой неизвестно.

³ С июля 1857 г. началось издание “Колокола”, которому Огарев отдавал почти все время.

⁴ В семье Герцена, среди других нот, был, в частности, сборник “Песни русского народа, собранные и аранжированные для пения с аккомпанементом фортепиано М. Бернардом”. СПб., 1847. Издание это ныне хранится в московском музее Герцена. Оно поступило сюда из Франции, от правнука Герцена, Л. Риста. На листах сборника – пометы, очевидно, сделанные рукой Ольги.

⁵ Вера Арт(амоновна) – няня Герцена.

⁶ Е.И. Герцен, старший брат Герцена.

⁷ 24/12 октября 1857 г. Герцен писал Рейхель: “Ог(ареву) делали первую операцию 15 октяб(ря); очень хорошо пока – и, вероятно, недели (через) две совсем будет заштопан” (XXVI, с. 133).

⁸ Проект Астракова принят не был.

⁹ См. п. 18, прим. 2.

¹⁰ Из конспиративных соображений Огарев дает адрес лондонского отделения банка Ротшильда в Сити, через который и ранее велась переписка.

^{16*} Здесь вклинивается текст, написанный рукой Тучковой-Огаревой: “Наш адрес: M-r Ogareff” (далее зачеркнуто, очевидно из конспиративных соображений). – *Ред.*

ГЕРЦЕН И ТУЧКОВА-ОГАРЕВА – АСТРАКОВОЙ

(Путней. 31/19 декабря 1857 г.)¹*Рукой Тучковой-Огаревой, под диктовку Герцена:*

Милая, добрая Татьяна Алексеевна, пророчество старухи Емилии сбылось. Но старуха – недаром старуха – ворчит и думает, что за доверие и искренний вопрос должна отвечать так же непременно. Вам надо много поработать, не только над формой, но и над материалом. Все это не довольно отстоялось и потому местами нехудожественно.

Начало повести всего лучше – и комические лица. Соня скучна, а героиня, думаю, была живее и интереснее на самом деле, нежели в книге. Будьте гораздо скупее и сжатее в лирических местах – одно слово, намек важнее.

Читали ли вы “Крошку Доррит” (в “От(ечественных) зап(исках)” был перевод) – необыкновенно талантливая вещь; а ведь и Диккенс срезался на чувствительной Крошке и ее Артуре.

Итак, работайте и давайте второй опыт.

Далее Тучкова-Огарева пишет от себя:

Милая Татьяна Алексеевна, вот уж, право, сто лет как собираемся к вам писать, мы прочли вашу повесть с большим интересом, и многое мне очень понравилось. Все рылась в журналах, чтоб найти статью, о которой вы пишете², но никак не могла отыскать ее. Сегодня в 12 часов настанет по-здешнему новый год, что-то он нам принесет? Я признаюсь, что мало надеюсь на новый год, потому что слишком многого желаю, – а так хочется, что, право, иногда находит слепота и все кажется возможным... Вы очень скоро увидите Елену, мне пишут, что она на днях выезжает – к несчастью, не имею ее адреса и не знаю, что делать, куда писать? вам ли послать письмо к ней? но, может, они опять отложили, и тогда опять встревожишь их долгим молчанием. Тому с месяц назад я послала платок нашей няне³ на ваше имя, любезная Татьяна Алексеевна, передайте его, пожалуйста, Елене, когда она приедет.

Саша в деревне на три дня, сегодня срок его возвращения, и я думаю, он очень рад будет найти письмо еще неотосланное. Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, целую вас крепко и жму руку Сергею Ив(ановичу).

Вся ваша Н а т а л и

Рукой Саши Герцена:

Любезная Татьяна Алексеевна,

Благодарю вас очень за ваше письмо⁴; я так давно ничего не получал от вас. Вы, верно, получили мою записку⁵, в которой я инстинктивно ответил на те вопросы, которые вы мне делаете.

Поздравляю вас с Новым годом, желаю вам много счастья и здоровья.

Ваш С а ш а⁶.

¹ Датируется по содержанию письма, в котором отклик на повесть Астраковой “Воспитанница”, напечатанную в “Современнике” (1857, № 10) под псевдонимом *Белевская*. О своем впечатлении от этой повести Герцен писал Рейхель (см. XXVI, 142, 397–398). Позднейшая помета Астраковой на письме – “21.XII.185...” – неверна; она уточняется указанием в письме на наступление в эту ночь Нового года.

² О какой статье идет речь неизвестно.

³ Няня сестер Тучковых – Фекла Егоровна.

⁴ Письмо Астраковой неизвестно.

⁵ Записка А.А. Герцена до нас не дошла.

⁶ Ответ на это письмо, датированный 8/20 января 1858 г., частично опубликован в Л IX, 59–62; автограф в РГБ, ф. 69.9.19.

21

ОГАРЕВ – АСТРАКОВУ

(Лондон. 2 января 1858 г. / 21 декабря 1857 г.)¹

Вчера был новый год, друг Сергей, а у вас еще старый год, следст(венно) я могу поздравить вас с наступающим новым. Как же он тебя утешит и успокоит – не знаю. Все мне сдается, что компания на акциях всего возможнее для твоего проекта², а напечатание его повлечет только то, что первая шельма украдет твою мысль, пустит в ход с умением шельмы и даже разбогатеет, а ты будешь осужден на посмертные биографии; а так как ты, вероятно, умрешь бездетным, то биографии не утешат даже ни одного близкого существа. От этого сberi свои все силы ныне и работай для компании на акциях, не печатай нигде проекта. Вот мое мнение. Поставь опять на ноги Ив(ана) С(ергеевича)³, назначь минимум для произведения опыта, т.е. постройки и пробы машины; я убежден, что порядочные люди легко сберут денег для этого. Как удастся, так и компания образуется; как образуется компания, то будет ей привилегия, и тогда, пожалуй, печатай целую книгу, публикация уже тебе вреда не принесет. – Если мы так долго не писали, это потому, что негде было прочесть то, что хотелось Т(атьяне) А(лексеевне)⁴. Теперь же все это устроено – недавно. – Что же сказать о себе самих? Живем, много занимаемся, много надеемся, иногда бывает хорошо, чаще на дне души безотрадно, – у меня, по крайней мере; но все это так обычно, что распространяться об этом не хочется.

Крепко обнимаю тебя, Сергей; дорого дал бы, чтоб обнять тебя лично, чтоб и ты животрепещуще понял, как я тебя много и глубоко люблю. – Прощайте, друзья мои, жму вам руки.

Рукой Оли Герцен:

Милая Таня, я очень желала бы тебя видеть. Поздравляю тебя с новым годом и крепко целую.

Прощай, твоя О л я.

¹ Позднейшая помета рукой Астраковой: 22/XII ст. ст. 1856–7? Год уточняется по связи с содержанием п. 18.

² Проект вездехода на паровом ходу.

³ Иван Сергеевич – Аксаков.

⁴ Речь идет о повести Астраковой “Воспитанница” (см. п. 20).

22

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВОЙ

(Путней.) 11 янв(аря) 1858 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна,

Я опять к вам с просьбой, Елена очень беспокоится обо мне, а я не писала потому, что решительно не знала, куда писать; недавно я воспользовалась случаем и послала платок для нашей нянюшки Ф(еклы) Е(горовны) и опять вас же этим потревожила. Потрудитесь послать Елене эту записочку и платок. Дети здоровы, Саша прилежно учится, Ог(арев) и Ем(илия) работают, а мне все что-то не по себе! Ах, Татьяна Алексеевна, когда-то и вы нас вспомните и вздумаете взглянуть, где-то доживают свой век старики да старуха, а старуха – точно старое дерево, пересаженное из лесу в барский сад, и хорошо, и привольно, а все к лесу поднимает поблекшие ветви свои, – да, Татьяна Алексеевна, узколовая, знать, у меня любовь к России, упрямая; даже здешняя теплая зима не может задобрить меня; знаю, что многое неудобно, нехорошо у нас, а все-таки тянет туда.

Я думаю, Сер(гей) Ив(анович) будет надо мной смеяться или скажет, что не верит этому чувству, ведь он уверяет, что все только одна привычка; пожалуй, не верьте Сер(гею) Ив(ановичу), я, может, и сама бы рада ни о чем не тужить, да,

видно, так жизнь сложилась. Хлопочешь, думаешь, мучишься, а иногда самой смешно делается, отчего это у человека постоянное желанье прочно, по сердцу устроить свою жизнь, как будто это бог знает насколько, ведь это все вздор, пока хлопчешь да придумываешь, а уж остался такой кончик, что не из чего толковать; не правда ли, Татьяна Алексеевна, забавно наше добровольное ослепление?

Прощайте, крепко жму вашу и вашу руку. N.

Мар(ья) Касп(аровны) малютка умерла, что ее сильно огорчило².

Рукой Огарева:

Приписываю вам только мое горячее обнимание, друзья мои. Ветер свежий и южный, тепло, как летом, нервы так раздражены, что мочи нет. Голова кругом идет.

¹ Год устанавливается на основании позднейшей пометы Астраковой: 1858.

² 6 января Герцен получил известие о смерти малолетней дочери Рейхелей – Елены (см. XXVI, 152).

23

(Путней.) 8 марта 1858

Любезная Татьяна Алексеевна, простите мое рассеяние, я забыла ответить на ваш вопрос: да, Мар(ья) Касп(аровна) виделась с Ел(изаветой) Бог(дановной) и с Мар(ьей) Фед(оровной)¹. Вероятно, она давно к вам не писала, потому что очень огорчена была смертью своей маленькой дочери. Опять я на ваше имя послала кое-что детям², любезная Татьяна Алексеевна, но совестно было посылать в два места, а к вам непременно хотелось.

Ужасно спешу, обнимаю вас крепко, Сер(гею) Ив(ановичу) пожмите руку.

Вся ваша N.

¹ Рейхель виделась с Е.Б. Грановской и М.Ф. Корш в 1856 г. во время их пребывания в Париже (см. XXVI, с. 18, 30).

² Речь идет о племянниках Нат.Ал. – Сатиных.

24

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

(Путней. Около 1 апреля 1858 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна, мне хотелось не торопясь отвечать на ваше письмо, но не удается и это, надо спешить. Тщетно ищем мы ваши статьи; в журн(алах), полученных нами, нет вашего условного имя(!), не иначе ли уж вы подписываетесь? Вы меня очень обрадовали вашим хорошим расположением к Елене, она вполне его заслуживает, и чем больше вы ее будете видеть, тем более полюбите, я уверена; и что за дети! таких, кажется, нигде не найдешь.

На будущий год надеюсь побывать у вас хоть одна, не вытерпишь так долго не видаться; как отрадно слышать, что Сергей Ив(анович) к нам собирается²; пожмите крепко его руку от меня или даже поцелуйте его за доброе намеренье. Не понимаю, любезная Татьяна Алексеевна, как вы это все еще не получили портреты, – они давно посланы и, кажется, с очень верной оказией³, – может, теперь они у вас.

Жизнь наша идет по-старому, я бы и не скучала, если б папá, Елена с детьми, тапá да еще несколько близких лиц были с нами; я больше собака, чем кошка, больше привыкаю к лицам, чем к месту; хоть, признаться, жаль страшно и наши поля и леса, здесь чудные деревья, но все загорожено, все по дороге надо идти или в парках.

Хотелось, чтоб дети вам сегодня написали, но невозможно, не успеют.

Прощайте, любезная Татьяна Алексеевна, крепко вас целую, вся ваша N.

Рукой Огарева:

Это письмо, друг Сергей, доставит очень хороший господин, с которым серьезно поговори о своем паровозе⁴. Крепко обнимаем вас обоих. Пиши же, когда свидимся.

Рукой Герцена:

А мои старушечьи сушеные листочки примите с благодушием.

¹ Условно датируется по времени отъезда из Лондона барона А.И. Дельвига, с которым, видимо, было послано это письмо (см. прим. 4). Позднейшая помета Астраковой на письме: *до 1858* – неверна.

² Поездка Нат.Ал. в Россию не состоялась, так же как и поездка С.И. Астракова в Лондон.

³ См. п. 17.

⁴ Речь, несомненно, идет об известном инженере-путейце и мемуаристе бароне А.И. Дельвиге, встречавшемся с Герценом и Огаревым в марте 1858 г. в Лондоне (см. А.И. Дельвиг. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820–1870, т. I. М.–Л., 1930. С. 213–214 и т. II, с. 80–85; см. также *Тучкова-Огарева*, 114. Дельвиг покинул Лондон 1 апреля 1858 г. (см. *ЛЖГ* II, 407).

25

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

(Путней. Июль (до 20) 1858 г.)¹

Любезная Татьяна Алексеевна,

Вы совершенно правы, что досадуете и сердитесь на нас, да, мы кругом виноваты, я так это чувствую, что если бы не расстояние, мне бы хотелось протянуть вам оба уха и попросить потреть хорошенько. Много есть причин и извинений, мне не хочется уменьшать мою вину.

В последнем письме вы говорили об Ольге², я думаю, тут есть недоразумение, я писала, что она пощекотала ухо собаки, а та ей дала сдачи³, но вообще Ольга любит зверей, только она с ними, как со всеми, шаловлива, потому что очень жива. Ну что вы поделяваете? пишете ли? мы так неаккуратно получаем журналы, что почти не знаем, что пишется; вас я не могла найти в них.

На днях мы получили старые письма, это просто клад, говорит Ем(илия)⁴.

Вероятно, вы увидите с Еленой на перепутье и она привезет нам весточку посвежее об вас. Мар(ия) Фед(оровна) опять недалеко от нас, не знаю, заедет ли⁵.

Если Татьяна Алексеевна простит, то и вы должны простить, Сергей Ив(анович). Вот как время идет, и невесело, а скоро мы здесь более двух лет; если Елена не приедет, то меня тянет к вам заглянуть: как в Москву, (так) прямо на Плющиху, вот вы тогда и увидите, забыла ли я ее.

Ну прощайте, крепко жму вашу и вашу руку. Вся ваша Н.

А что Никифор, здоров ли, поклонитесь ему от меня.

Рукой Огарева:

Друзья вы мои, друзья – виноват, конечно, но дело в том, что так давно не писалось, а просто лень. Но и лени, должно быть, есть своя причина. Что писать? Так вот от души писать, так оно больно много; это только доступно разговору. А вздор писать – ну и лень. А до разговору, видно, не добиться. Что же ты не смастерил; али уж так надо хлопотать о месте, что и некогда? Ну я все же не отчаиваюсь; может, и выищется время. Я думаю, пароходная компания неглупо сделала бы, пославши тебя на Дунай, на Рейн etc., поосмотреться в пароходном деле. Это расход невелик, тысячи полторы сер(ебром), даже и меньше, на целый год довольно. А я рад, что ты пускаешься на эту карьеру; занятие тебе сродни да и жалование, вероятно, получше. – Что ж сказать о себе? Англию я уважаю за многое, а за многое нет. Вообще в роде человеческого большого утешения не вижу. – Одно должен вам сказать, Нат(али) все прюдничает^{17*}, а как же вам-то не сказать? Она беременна и через месяца полтора родит⁶. Стало, вы

^{17*} преувеличенно стыдливо держит себя (от *франц. prude*).

понимаете, что есть личная забота серьезная. Как и что пойдет, тотчас напишу. Покаместь обнимаю вас крепко. Не сердитесь на мою лень и сами пишите. Как часто думается о вас, и так бы хотелось... Ну, да что толковать, прощайте.

¹ Датируется на основании позднейшей пометы Астраковой: 1858 июль? и по упоминанию о получении "старых писем", привезенных Н.Н. Буlichem в это время (см. прим. 4).

² Эти письма Астраковой к Нат.Ал. неизвестны.

³ В письме к Рейхель от 8 апреля 1858 г. Герцен подробно описал этот случай (см. XXVI, 170–171); см. также с. 275 наст. кн.

⁴ Речь идет об адресованных Герцену письмах от разных корреспондентов 1830-х–1840-х годов (в том числе и от Белинского). Они были оставлены им у Грановских перед отъездом за границу в 1847 г. (см. XXVI, 193). Привезены Герцену в Лондон Н.Н. Буlichem в июле 1858 г. (см. там же, 193).

⁵ Находившаяся в это время за границей М.Ф. Корш в Лондон не заезжала.

⁶ 4 сентября 1858 г. родилась дочь Нат.Ал. и Герцена – Лиза.

26

(Путней. Август 1858 г.)¹

Вы совершенно правы, любезная Татьяна Алексеевна, мы очень давно не писали, вся вина за Ог(аревым). Я часто ему напоминала, но он все хотел написать длинное письмо и поэтому откладывал, а мне одной не давал писать. Что вам сказать? Лучше бы было поговорить, чем писать, как слово-то живее пера! И как бы вы увидели, что много в частной жизни хорошего, но и много в ней тяжелого, грустного, решительно надо придти к тому заключению, что жить спустя рукава могут только люди без нерв, и пора бы принять жизнь так, как она есть, а между тем нельзя этого сделать; мешает вечная жажда хорошего, полного, вечное неудовлетворение и досадно на себя, а помочь тут нельзя. Впрочем, я что-то сегодня в хандре, так, может, все чернее кажется; какой-то туманный страх, чтоб глупая случайность не коснулась до близких, ведь это так легко может случиться! Когда так думается, целый день не найдешь себе места. Вы меня простите на этот раз, любезная Татьяна Алексеевна, я просто глупа; голова болит и все что-то дурное мерещится...

Прощайте, крепко, крепко вас обоих обнимаю.

Вся ваша N.

В(ладимиру) И(вановичу)² поклонитесь от меня.

¹ Датируется приблизительно по содержанию письма. В нем нет ни слова о рождении дочери Нат. Ал. Лизы; следовательно, оно написано до сентября 1858 г.

² Брат Н.И., С.И. и М.И. Астраковых – Владимир.

27

ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВУ

(Путней.) Октябрь 9/Сент(ябрь) 27 (1858 г.)¹

Рукой Огарева:

Кажется, после твоих писем², друг Сергей, следовало бы сесть да и писать к тебе; а я этого не сделал по забуддыжничеству. Чай, вы от М(арии) К(аспаровны) знаете, что у меня родилась дочь – Лиза. И дитя и мать здоровы совершенно. Спасибо тебе за предостережения и советы; не могу сказать, чтобы все меры приняты были для благополучных родин рационально, но с рук сошло удивительно счастливо, так что и наш доктор не надивится. У природы бывает своя логика, которая не совпадает с нашей, и мы тогда дивимся и обвиняем природу в случайностях и аллогизме, – вместо того, чтоб сознаться в собственном невежестве. Как бы то ни было – природа окончила счастливо штуку, довольно опасную и мучительную, поработавши над ней 27 часов.

Ребенок удивительный – большой, крепкий, здоровый. Теперь ему с лишком месяц, т.е. ей. Она родилась 4 сент(ября) н.ст., а она уже имеет поползновение улыбаться и что-то чавкать в роде слов. Гляжу на развивающуюся жизнь с уважением к жизни и неуважением не только к себе, но даже к ученому доктору, потому что ясно ви-

жу, что мы в науке не только до складов не дошли, но даже и азбуки порядочно не знаем. В общественной науке ушли не дальше, от этого так трудно и сказать, что выйдет хорошо, что дурно. Одно знаю, что нельзя ничего не делать, потому что мы функции в этой формуле. – Но довольно скептицизма! перейдем к личной жизни. Досадно мне, что не удалось тебе с парходными компаниями. Что ты не добиваешься места при технологическом институте? Это было бы для твоих занятий почище, чем ездить по Волге и сидеть в конторе. И что же за дела в конторе? только коммерческие? или это надзор за машинами? Напиши, как и что. Авось с весной добьешься до чего-нибудь. – У нас 2-й день холодно и ясно, т.е. холодно, как в России бывает в конце августа. Погода чудесная. Мы все здоровы. Бабушка³ глаз не спускает с внучки. Детям – дитя живая игрушка. Тата сильно развивается, из нее выходит очень добрый и любящий человек. Оля умна, ребячлива и шаловлива. Саша в Женеве. С будущего месяца поступает в университет в Бюрцбурге, на отделение естественных наук⁴. Занимается химией и физиологией. Мы все по-прежнему. Что же еще сказать? Не вините меня, что редко пишу. Поговорить – хотелось бы, а писать – что(то) не пишется. Кажется, все, слава богу, здоровы – о чем же писать? А поговорить, обнять тебя, боже мой, как хотелось бы! – Ну, прощай брат, прощайте, Т(атьяна) А(лексеевна). – Да не смеет вам придти в голову мысль, что мы вас забываем; не ищите причин, когда есть простейшие. Addio!

Рукой Тучковой-Огаревой:

Здравствуй, Сер(гей) Ив(анович) и Т(атьяна) А(лексеевна) – дайте ваши руки, мне так хочется их крепко пожать – вот как время идет, хотя и невесело, я и больна была и выздоровела уже месяц – и Лиза начинает улыбаться.

А я все думаю, Т(атьяна) А(лексеевна), какая это страшная ответственность; быть может, Лиза будет очень несчастна и спасибо не скажет за то, что ее ввели в этот муравейник, который мы называем жизнью, ведь хочет – не хочет, а придется тоже свою ношу нести, экая у меня глупая, нехорошая натура, а у колыбели ребенка опять черные мысли. Бог с ними.

Как хочется мне на Плющиху, если б вы знали, усесться за круглый стол, взглянуть на ваши дружеские лица, весело-то уж не будет нам, веселость за горами, за лесами, а хорошо в этой жизни встречаться особенно нам.

Ну, прощайте, крепко вас обнимаю обоих. Никифору поклонитесь. Ваша Н.

Рукой Герцена:

И от меня, старухи, примите поклон, матушка Татьяна Алексеевна и дядюшка Сергей Иванович, – портретом пришлем молодого человека⁵ – а он теперь в Немечине уму набирается. Целую вас и обнимаю.

Е м и л и я

¹ Год устанавливается по содержанию: рождение Лизы. "Ученый доктор", упоминаемый ниже, – вероятно, семейный врач А.-Ф. Девиль,

² Эти письма С.И. Астракова неизвестны.

³ Мать Нат. Ал. – Наталья Аполлоновна Тучкова приехала в Лондон 3 сентября в связи с предстоящими родами дочери.

⁴ В начале октября 1858 г. А.А. Герцен по совету отца и К. Фогта поступил в Бернский, а не в Бюрцбургский университет.

⁵ Имеется в виду А.А. Герцен.

Рукой Герцена:

(Фулем.) 19 июня 1859

Сей час я писал к Ивану Сергеевичу¹ – это ничего, но что теперь же пишу к Сергею Ивановичу – это редкий случай.

Ну здравствуй – и позволь тебя обнять *n* – 1 раз (–1 потому, что раз ты должен обнять меня).

19 июня 1859

Как же я пишу к Ивану
Сергеевичу - это нелепо, но
 это непереносимое Сергею Ива-
новичу - это родной человек.
 Ну Серафимович - и поворот
 неслучайно обнял и - 1 раз (- 1
 поворот - это раз не, доверен
 отпустил всем.)

И маня Серафим Отвратитель
 похоро - грациозности мо. Все на
 моем же лице! - Как как
 судьба то расщеплялась, да
 во Д. покажется в Серафим,
 а вост. звонили, звонили до
 и дукаем - а вост. куде Серафим
 пойдут до Серафимович Серафим
 - он и все.

Мы давимом не пишу, я Серафим
Серафим не пишу Серафим - Серафим
Серафим Серафим Серафим. - Серафим
Серафим Серафим Серафим Серафим,
 до Серафим. Серафим Серафим
 - Серафим. - Серафим Серафим
Серафим Серафим - и Серафим Серафим
Серафим. Серафим Серафим Серафим.

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА С.И. АСТРАКОВУ
 Автограф. (Фулем.) 19 июня 1859 г. Лист первый
 Литературный музей, Москва

И так верный Девичьему полю – гражданин ты все на том же месте! – Как нас судьба-то расшвыряла, я с Ог(аревым) пономарем в Фулеме, а ведь звоним, звоним да и думаем – авось-либо звуки дойдут до дружеских ушей – то и весело.

Ты давненько не писал, я решительно не пишу иначе – как с верными оказиями. – Посылаю тебе опять *сушеного чаю*² да Огар(ев) своего *подбавил – пензенского*, – Татьяна Алекс(еевна), дайте руку... и обе – дети-то выросли страшно. Саша *студент в Берне*, а я уж в Иван Алексеевичи³ пошел.

Рукой Огарева:

И мне приходится идти в Платон Богд(ановичи)⁴. Смотрю на Лизу и думаю – вот лет 10 ей будет – может быть, еще увижу, а там уж и навряд, и, как все это вырастет, ничего не узнаешь, и помянут ли добрые люди пономаря – тоже не узнаешь. Рассекая тело или пространство и доходя до последней границы, т.е. до точки, – ясно, что она = 0, и что знаменитое вещество так же превосходно состоит из нулей, как и пустота. Какою формулой из этой системы повсеместных тангенсов перейти к осязаемому в пространстве? Вот в чем задача. Нутка – математик, построй! Построй мне это, тогда мы быстро придем к положительным результатам. А ведь прежде, чем самое сознание вездесущего нуля загложнет в нашем мозгу, – надо бы увидеться. Отойти к праотцам, до которых мне нет никакого дела, не обнявши тебя, которого я люблю, для меня одна из самых оскорбительных мыслей. Подумай об этом, как и что. – Из прилагаемого ты должен понять, что оказия – дело хорошее. Будь мудр, яко змий, и постарайся прилететь, яко голубь, – крепко обнимаю вас, Т(атьяна) А(лексеевна), и его, и целую вас обоих, хотя бы сам гр(аф) Строг(анов)⁵ счел, что целоваться неприлично.

¹ Письмо к И.С. Аксакову с просьбой доставить “письмецо и книжку” на Девичье поле (см. XXVI, 275).

² Речь, очевидно, идет о законспирированной посылке “Колокола” “Сушеными листьями” назвал Герцен “Колокол” в одном из своих писем в Россию 1858 г. (XXVI, 182).

³ Иван Алексеевич Яковлев – отец Герцена.

⁴ Платон Богданович – отец Огарева.

⁵ Гр(аф) С.Г. Строганов – московский военный генерал-губернатор в 1856–1860 гг.

Редко, редко мы перекликаемся, дорогая Татьяна Алексеевна, а вы все-таки на нас не сердитесь – мы все так же вас помним, но трудно, не знаю, как это делается, то, что хочешь сказать, не сказывается, а так только об здоровье писать не хочется. – Ныне я совсем одна с Лизой, нянюшку отослала, а другой еще не имею, вот я и поглупела немного от усталости, все же мы даже и физически бари, хотим, хотим все сами сделать, а руки опускаются. Ну что бы вам сказать об детях? – Тата уж почти совсем большая стала и красавица собой, жаль, что вы на портрете не можете об этом судить, потому что выраженьи и цвет лица пропадают, а у нее это главное. Ольга начинает также вытягиваться понемногу, но все такая же тонкая; она довольно охотно учится музыке и живет в большой дружбе с Лизой и с ее собакой Пуле. Впрочем, они обе очень любят Лизу, да и она их отличает.

Но что же сказать об Лизе? Она у нас славная – начинает выговаривать несколько слов – сначала стала звать всех “Пуле”, а теперь говорит уже “Ольга”. У нее два зуба – и она очень тихая, но вместе с тем и очень живая. Меня она еще тем радует, что не любит иностранцев, будь он немец, англичанин или француз, все равно, а своих жалуется, какие бы они ни были, хоть нос на стороне. Я думаю, и Сер(гей) Ив(анович) ей напишет за это похвальный лист.

Вот, любезная Татьяна Алексеевна, посылочка елениным детям; я думаю, можно ее и по почте послать.

^{18*} Вставлено Герценом под строкой: № Прежде был хлеб с маслом, а теперь письма.

Прощайте, целую вас крепко, будьте здоровы и пишите иногда. Что ж вы не скажете, нет ли вашего чего-нибудь в журналах? Дайте тоже вашу руку, Сер(гей) Ив(анович); давно, давно мы не видались с вами. Вся ваша

Н а т а л и

Рукой Таты Герцен:
Милая моя Таня!

Натали говорит, что с тобой давно не виделась, а как давно мы не виделись, а как бы мне хотелось в России побывать, ты себе представить не можешь, а боюсь, что придется еще очень долго ждать. Саша теперь все в Швейцарии, но в августе к нам придет.

Прощай, милая Таня, много раз крепко тебя целую.

Твоя Т а т а

¹ Датируется по содержанию письма (ср. XXVI, 283). Скорее всего, письмо написано до начала июля этого года, когда Нат. Ал. с Лизой уехали в Вентнор (курортный городок на острове Уайт). 18 августа 1859 г. Нат. Ал. писала оттуда Огареву: "Саше я очень, очень обрадовалась" (см. ниже).

30

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА, ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

(Фулем. 4–5 октября? 1859 г.)¹

Не умею сказать вам, любезная Татьяна Алексеевна, как вы меня обрадовали вашим письмом² – если б не Лиза, я давно бы вам отвечала, но она отнимает много времени, тем более, что до сих пор я не нашла женщины для дома, стала Лизина нянька вместе и горничная детей, у нее белье всего дома на руках, поэтому я часто вожусь с Лизой, но, впрочем, я на это не жалуюсь, не мое ли дело ходить за Лизой? Вдобавок, она очень добрый и милый ребенок: так бы хотелось, чтоб она ползала, ходила поскорее, а между тем, зачем торопиться, куда спешить, ведь, собственно, детство – самый счастливый период жизни. Мне бы хотелось, чтоб детство Лизино прошло, как светлый праздник, и чтоб вместе с тем она поняла необходимость труда для того, чтобы жить.

Пишите, любезная Татьяна Алексеевна, и не сердитесь, если я замедлю ответом; право, трудно найти свободную минуту.

Крепко вас обнимаю.

Сер(гею) Ив(ановичу) жму руку от всего сердца.

Ваша Н а т а л и

Дети будут писать в другой раз, завтра ожидаем Сашу.

Рукой Огарева:

1 ап(реля)
19 м(арта) (1860 г.)

Кажется, полгода эта записка Натали лежала у меня на столе, полгода собираюсь писать и не пишу. То работа, то лень, да и не того бы хотелось. Обнять тебя хотелось бы, Сергей, живого слова хотелось бы... А вот сегодня я проснулся, и первая мысль была – ты. Схожу завтракать, а Эм(илия) говорит: "Я сегодня Сергея во сне видела". Боже ты мой! Все, что ни есть во мне горячей привязанности к тебе, проснулось, и так бы хотелось, чтоб ты был тут, говорил бы, слушал бы. Да нет! А что, если бы ты собрался хоть на один день!.. Что – Татьяна Алексеевна – подумайте-ка. – Дела у меня много, и светлого много, а все чем-то тяжелым отзывается в жизни. Ты что делаешь, Сергей? Как твои занятия? Взглянул ли кто-нибудь на твой проект?³ Что ты его в Сибирской компании не толкнешь? А если ты решительно не находишь ему исхода, то напиши – я начну торговаться о нем здесь со всевозможной осторожностью, чтобы не надули. В это время ты, чай, убедился и в истине своего

проекта и в невозможности, чтобы его приняли, – ergo^{19*}, сколько бы мне ни хотелось, чтоб он пошел в ход у нас, а не здесь, но лучше уж здесь, чем нигде. Напиши. – Что у вас вообще делается? Я больше могу вообразить, чем знать. Чувствую, что часы заведены, а врут, чай, такую дичь, что полдень от полночи не различишь. Здесь часы на исходе и по-своему врут невыносимую дичь. Завесть нечем, ключ потерян. – Дети здоровы, наша Лиза прелесть что за здоровый ребенок. Все смеется, почти не плачет, зубы режутся, а ей и горя мало. Зима была теплая, а 3-го дня выпал снег; деревья распустились, а на лугу лежал снег, и теперь такая дребедень в погоде, что скверно; у меня же только что прошла презлая лихорадка с невралгией надглазного нерва. Чорт знает как страдал. Ну! теперь ничего. Вынослив и еще не чувствую, чтоб старел, а чай, скоро придется хиреть и готовить себе мягкую подушку под жесткую голову. Меры для скорейшего разрушения здоровья я, кажется, успешно принимал всю жизнь; а все еще с рук сходит. Э! живем, друзья мои, авось мы и свидимся. Эм(илия) и я крепко, крепко обнимаем вас. Не сердитесь – пишите. Авось и мы будем поаккуратнее. Чай, тебе в голову не приходит, что мы вас забыли. О – нет, нет! что бы ни было, а такой горькой мысли не допустим ни на минуту в наши головы. Руки ваши, друзья.

Рукой Герцена:

И во сне и наяву – помнил и любил вас и кланялся.

Рукой Тучковой-Огаревой:

Здравствуйте, Т(атьяна) А(лексеевна), и прощайте.

Лизу кормлю, она блажит. Целую вас крепко.

Ваша N.

¹ Датируется по упоминанию о предстоящем на следующий день приезде Саши Герцена. Он приехал в Лондон из Брюсселя 6 октября 1859 г. (см. XXVI, 298). Позднейшая помета Астраковой: "1859. IX" – верно лишь в указании года.

² Письмо Астраковой неизвестно.

³ Проект вездехода на паровом ходу.

Любезная Татьяна Алексеевна, я так виновата, что почти потеряла право оправдываться перед вами, мы с Еленой жили все день за днем, мне хотелось написать вам длинное письмо, а вместо того просбиралась. Вот уже три месяца как я без няни. Лиза все со мной – даже и сестру я не довольно видела. Ужасно больно слышать обо всех неприятностях, которые все вышли с Сер(геем) Ив(ановичем)², но сюда не советовала бы ехать, очень грустно и тяжело здесь жить; вот если б я была богата, с какой бы радостью я попросила бы вас обоих приехать и завести со мной вместе пансион для детей, в особенности для русских, воспитывающихся за границей. Это моя мечта, я бы так желала, чтоб со временем и Лиза воспитывалась под руководством Сер(гея) Ив(ановича). Я думаю, что он дал бы ей реальное и полезное воспитание, а я не сумею.

Не сердитесь на меня, друзья мои, а пишите через Елену, я буду скоро отвечать; через Елену – потому, что я еще не знаю, где буду, только буду не в Англии. Это антипатичная страна для меня, и я рада, что рассталась с ней хоть на время, – когда устроюсь, напишу – хорошо бы, если бы вы могли приехать, хоть погостить, так хочется посмотреть на всех, такие ли вы, как были, переменились ли? Я состарилась, седею не по дням, а по часам.

Еще хочется вам Лизу показать – она очень смешная и живая девочка, с приезда Елены славно по-русски болтает – проснулась, бегу к ней.

Прощайте, друзья мои, крепко вас обнимаю.

Вся ваша Н а т а л и

^{19*} следовательно (лат.).

¹ Написано после отъезда в Россию сестры Нат. Ал. – Елены. Последнее время они жили вместе в Бланкенберге (Германия). Расставшись с сестрой, Нат. Ал. переехала с малолетней Лизой в Лозанну. Упоминание о том, что прошло три месяца с той поры, как они расстались с няней, т.е. со дня выезда из Лондона в конце мая 1860 г., дает возможность более или менее точно датировать настоящее письмо.

² О каких неприятностях у С.И. Астракова идет речь, выяснить не удалось.

32

ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

(Лондон.) 11 декабря 1860 г.

Рукой Огарева:

Друг Сергей и милая Таня, рад я был вашим письмам, и тяжело чувствовать, сколько вам там приходится страдать и возиться с мелкой дрянью жизни. Эта близость к мелочи втягивает невольно к мрачному взгляду на вещи, так как даль, из которой видны только массы, дает надежды на огромное развитие сил. Но, я думаю, ни тем ни другим нельзя увлекаться. Есть элементы силы в Истории – бесспорно; но что всякая дрянь может задушить их развитие – и об этом нельзя спорить. Из этих двух пределов я вывожу только необходимость работы. Дорого бы я дал – повидаться хоть на минуту. Я уверен, что Сергей отдохнул бы с нами; сколько ни тяжела внутренняя наша жизнь, но все же в ней есть и труд и свое печальное спокойствие. Но сколько я ни думаю – мне кажется, что Сергею вне деятельности *научной* нигде не будет казаться дома. От этого я все бы советовал поговорить с академиком¹ и добыть место математической профессуры при каком-нибудь специальном заведении. Может, Сергей тут отыщет все свои силы и дойдет до того печального спокойствия, которое, по крайней мере, не страдает от близости с подлецами и от преследований жизни булавочными уколами. А хорошо бы повидаться. Поговори с Михальчем². У нас тепло и сыро, скверно; нездоровится. Маленькие нездоровья от климатических условий, причем можно долгоденствовать, по уверению медиков, вот наши булавки. Что касается до людской мерзости, то и здесь ее не оберешься; но лично с ней не связываясь – как-то оскорбление становится теоретическим, и вместо яростной боли только приходишь к печальному спокойствию сознания, что это политическое животное (по определению человека Аристотелем)³ имеет свой уровень развития, как устрица свой, как баран свой, и пр. ... и что едва ли он способен перешагнуть туда, куда залетает только изредка его сильный развившийся мозг; а теория, конечно, образуется по большинству, а не по исключениям. С одной стороны, Овен (покойник)⁴, историк Бокль, математик Гров, человек Г., Б. ..., а жизнь массы не совпадает с ними и разрабатывает свои требования и вопросы, между которыми есть и такие: будут ли в аду жечь настоящим огнем или не настоящим?... Нешутя – это вопрос, разделяющий английских диссидентов (староверов) с англиканской церковью... Ну! да что об этом!

Жду со дня на день Натали с Лизой. Они теперь с Сашей в Берне⁵. Что за милое создание Лиза! Хоть бы показать вам ее! И все дружит с русскими, немцев не любит. – С чего Таня взяла, что Тата воспитывается в Дрездене? Тата здесь и становится славная, начинает мыслить и крепко работает. В живописи у ней талант несомненный; в музыке способности весьма хорошие; я думаю, искусство более ее сфера, чем что другое; но теперь она сильно занимается наукой, читает. У ней теперь англичанка, которая, без сомнения, самый умный человек, какого я встречал в Англии⁶, зато она не лучше уживается с Англией, как Сергей с воспитательным заведением⁷. Тата ее, действительно, уважает и видимо развивается под этим влиянием.

Саша... Саша развился в изящно-благородную личность, и работает по медицине; скоро станет держать экзамен. – Ольга в путешествии, в Париже. Пишет мне, что она "Парижу любит, потому что театры в улице здесь и там".

Я работаю шибко. Но одна из моих главных целей – математика. Окончивши кой-какие необходимые вещи, займусь ею исключительно. Цель моя показать, что всякая вещь, всякое качество – количественная разница и что действительная теория, или наука – математическая формула; иначе теория – только фраза или гипотеза фантазии, а не понимания.

Вот пока вам все, что за душой. Теперь я все в небольшом (читай: очень большом) внутреннем волнении, – все жду от Натали известий, что то ли выехали такого-то числа, в таком-то часу и, следст(венно), будет тогда-то. Пора сплотить небольшую, но изящную семью.

Крепко целую вас и обнимаю. Пишите, мои милые. Помни, Сергей, что для меня лично вся симпатия в России сосредоточена на тебе.

Рукой Герцена:

Здравствуй – и здравствуйте. – Я совершенно согласен с Ог(аревым), что близость к шероховатой стороне нашей обыденной жизни поддерживает мрачное раздражение – мешающее ясно видеть, что под ней готовятся иные силы. Плохо утешение, что и везде пошлость доходит до горла. Ex(empli) gr(atia)^{20*} не угодно ли посмотреть *беженство рабства* – в Америке. Вот тебе страна, усевшаяся на новых основаниях – без исторического хлама, с полной политической свободой, при самых счастливых территориальных условиях – и она гибнет от яростного (?) рабства, по крайней мере распадается⁸. – Это с одной стороны Океана, а с другой, если б вы могли посмотреть растленную Францию.

Я читал, Татьяна Алексеевна, ваше послание к Огар(еву)⁹. – Много грустных воспоминаний оно вызвало, но я не думаю, чтоб вы были правы в вашем строгом суде о лицах. Зачем вы так злопамятны, вдумыванье и пониманье ведут нас к снисходительности. Вы правы в одном и безусловно – за это-то я вас всегда считал и теперь считаю в числе ближайших друзей – это в вашем суждении о Наташе¹⁰. Да, это была великая натура, и вы еще ее не всю знаете. Ей я сколько мог памятник поставил – этот памятник “Былое и думы” – когда-нибудь вы прочтете ту часть, которая говорит о последних годах. Остальные смотрели с пошлой точки, с ревнивой, и между ними близости не было, за исключением одной – с Лиз(аветой) Богд(ановой) – которая чуть ли не хуже всех остальных поступила¹¹. – Анекдот, который вы поминаете о Коле, я слышал, но никогда ничего подобного не видел, интересно знать, кто говорил это. Ах, Татьяна Алексеевна, – что нам смотреть на людей с точки зрения уголовного суда. Вспомните моего старика – д-ра Крупова – ведь это все сумасшедшие¹².

Посылаю вам наши портреты – и притом разительно похожие¹³. Что вы делаете? При случае напишите. Дайте ваши руки и прощайте.

Что у вас это завели за Вагнера – который строчит в “От(ечественных) зап(исках)” превосходнейшие статьи о зоологии¹⁴.

¹ По-видимому, академик Д.М. Певцов.

² Имеется в виду, по-видимому, Н.М. Сатин, который мог дать Астракову для поездки в Лондон необходимую денежную сумму в счет своего долга Огареву.

³ Измененное выражение из “Политики” Аристотеля, где говорится, что “человек по природе – животное общественное”.

⁴ Овен – старинное написание фамилии Р. Оуэна.

⁵ Огарев тщательно скрывал от Астраковых (как и от других друзей) серьезнейший семейный конфликт, вызвавший “бегство” Нат. Ал. с дочерью Лизой на материк. Вскоре она возвратилась в Лондон (см. об этом в наст. разделе публикацию Л.Р. Ланского и М. Мерво “Письма Н.А. Тучковой-Огаревой Огареву и Герцену”).

⁶ Эмилия Рив.

⁷ С.И. Астраков преподавал в Александровском институте.

⁸ Примерно в это же время 29/17 ноября 1860 г. Герцен писал И.С. Аксакову о готовности Америки “распастись из-за вопроса о рабстве” (XXVII, 118). Речь шла о событиях, предшествовавших гражданской войне между Севером и Югом.

⁹ Это письмо Т.А. Астраковой неизвестно.

¹⁰ Об отношении членов московского кружка Герцена и Огарева к Н.А. Герцен (Захарьиной) см. ниже в наст. разделе и в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 541–559.

¹¹ Е.Б. Грановская, жена Т.Н. Грановского, недоброжелательно относившаяся к Н.А. Герцен в последний период пребывания Герценов в Москве.

¹² Доктор Крупов – главный герой одноименной повести Герцена – утверждал, что человечество больно повальным безумием.

¹³ Какие именно фотографические портреты членов своей семьи послал Герцен, не установлено.

¹⁴ Герцен пишет под впечатлением от статьи Н.П. Вагнера "Природа и Милн-Эдвардс". Она была напечатана в № 9–10 "Отеч. записок" 1860 г. "Молодец – вот настоящий русский ум: светлая консеквенция и чего бы ни стоило, все нипочем", – так отзывался он в письме к И.С. Тургеневу о Вагнере 29 октября и добавлял: "Если ты об нем знаешь, напиши" (XXVII, 105).

33

ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВЫМ

(Лондон. До 24 декабря 1860 г.)¹

Рукой Огарева:

Друг Сергей, спешу воспользоваться случаем и сказать тебе еще несколько слов. Я писал к тебе недавно². Жду от тебя известий каким-нибудь путем. Так давно не видел твоей руки, а последние слухи о твоих отношениях так печальны, что черт знает как хочется поскорей узнать, что ты делаешь. Милая Татьяна Алексеевна, вы бы через Р(ейхель) что-нибудь N написали, хоть строчку. Живы, мол, здоровы, ссоримся с директорами, побеждаем или побеждены, идем в отставку, есть или нет места, и пр., и пр. Хотя бы внешнюю обстановку жизни знать – и то уж легче. Ну! а что ж я вам скажу? Работаю. Нат(али) с Лизой все еще в Немечине. Погода здесь все скверная. Если б не работа... – хуже точки на земном шаре не сыщешь для жизни, ну – а за работой это забывается. Вот и все. Письмо мое пусто, пишется наскоро только для того, чтоб вы видели мои каракули и знали бы, что я все так же ваш вечно неизменный друг. Крепко обнимаю вас – пожалуйста, дайте о себе весть при первой возможности.

Рукой Герцена:

И я еще цел, пока мерзкий климат грехом терпит, – письмо надобно посылать так быстро – что не знаю, что написать, кроме того, что душевно люблю вас; вы настоящие, неизменные старомосковцы – Девичьего поля располньички, христу-богу Богомольнички.

На обороте рукой Герцена: Сергею Ивановичу.

¹ Датируется по помете Астраковой на письме: "После 11.XII.1860 г." и по словам в письме: "Нат(али) с Лизой все еще в Немечине". Из Германии в Лондон они возвратились 24 декабря 1860 г.

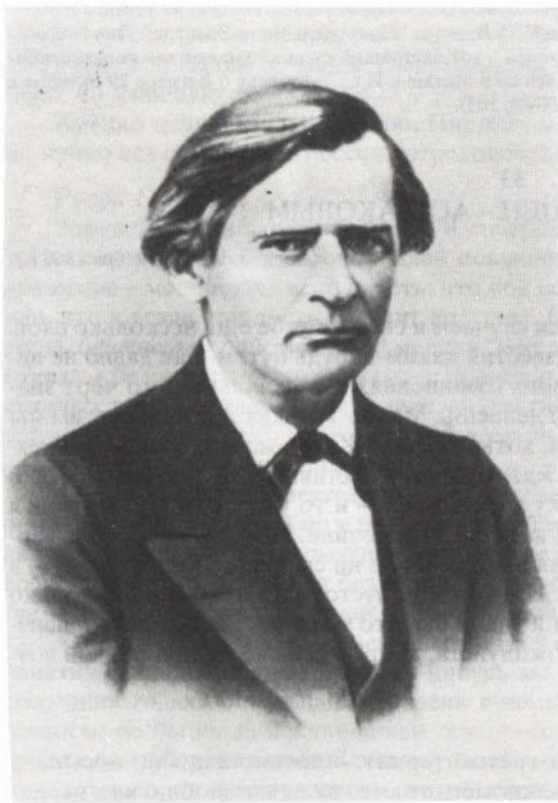
² Вероятно, речь идет о предыдущем письме.

34

(Торки. 9 августа 1861 г.)

Любезная Татьяна Алексеевна, сегодня поутру Ор(арев) прислал мне ваше письмо, и я тотчас с жадностью прочла его, сидя у моря с Лизой и не ждавши погоды. И ваше другое длинное письмо дошло тоже¹, а я вам не отвечала не от лени, а из осторожности – вообразите, что я в каждом письме спрашиваю Елену, живете ли вы в старом доме или нет, прошу ее прислать ваш адрес и тетенькин², если знаете, Татьяна Алексеевна, пожалуйста, пришлите.

Во-первых, об докторе; верно, Ор(арев) при первом случае исполнит ваше поручение насчет книг, а что касается до Саши, то я берусь передать ему все, что вы пишете; ваше письмо его не застало, он путешествует с Фохтом³. Нет, он не горд, но он не сложен, вял немного, горячей страсти к науке едва ли вы в нем найдете, но если его подталкивают, он идет, – я думаю, путешествие будет ему очень полезно. Дети говорят по-русски, Тата очень хорошо, а Ольга очень плохо – в лице иногда уловишь черту Натали, но внутренне ни в одном я не нахожу сходства с матерью, скорей с отцом. У всех у них большие способности ко всему и как-то ничего не выходит – Тата играет изрядно, рисует изрядно. Мало-помалу и страсть ее к рисованию прошла, а все-таки занимается, но как-то по долгу, безжизненно, без увлечения – вообще же странная натура, она совершенно иначе развилась, чем я ожидала, какая-то

С.И. АСТРАКОВ

Фотография М. Шерера и Б. Набгольца. Москва, (1861)
Музей Герцена, Москва

неподвижная, тяжелая. любит резвиться, если другие ее толкают, а сама по себе она ничего не может придумать – любимое занятие ее читать романы, с четырнадцати лет отец постоянно дает ей романы: это развивает, говорит он. Не спорю, только гораздо больше воображение, чем понимание.

Письмо ваше так и повеяло Россией на меня, больно и тяжело все это, но обвинителям бы сказали, зачем же они молчат, еще не было отказа в таких вещах; вы знаете, что я думаю об родстве, а им-то что? Да, право, даже смешно на это отвечать⁴.

Ог(арев) мне пишет, что страшно обрадовался портрету С(ергея) Ив(ановича)⁵, портрет N(atalie)⁶ мы пришем при первом случае; как могла вам придти мысль, что он⁷ этого не желает, – он вас помнит и любит горячо...

Вы правы, что удивляетесь, зачем человек так скверен, только, к несчастью, он везде таков – здесь такие ужасы бывают, что волосы дыбом становятся, – нет человеку врага хуже человека, и пока это не переменится, чего ждать хорошего?

Ну, прощайте, пишите, не смею сказать почаще, когда вздумается, ваши письма – несмотря на грустное содержание, великая отрада для меня – у меня нет ни одной близкой женщины здесь, а как ни говорят, близость женщины не заменяется близостью мужчины. Это совсем другое чувство.

В другой раз я соберусь тоже, может, побольше написать, но я не мастерица рассказывать пером.

Прощайте, крепко жму ваши и ваши руки – напишите, если адрес не тот. Вот ваш адрес: M-me N.O.–Orsett House. Westbourne Terrace, Paddington.

9 авг(уста), н.ст. 1861. Torquay.

Мы теперь у моря, вы можете раз сюда написать: Torquay. Engandina House, N 1.

Здесь очень, очень хорошо и море, и зелени бездна. Лиза моя тоже болтает по-русски, но с приезда Ольги предпочитает говорить по-английски да и нянюшка англичанка; впрочем, настоящая нянюшка – я.

¹ Упоминаемые письма неизвестны.

² По-видимому, речь идет об адресе Марии Алексеевны Тучковой.

³ Путешествие продолжалось с мая по октябрь. См. ниже предисловие Л.И. Матюшенко к разделу "А.А. Герцен".

⁴ О чем именно говорится в этой части письма – неясно.

⁵ Фотографический портрет С.И. Астракова, сделанный в начале 1860-х годов – единственное изображение, сохранившееся до нашего времени. См. его воспроизведение в наст. книге.

⁶ Фотография Н.А. Герцен с Ольгой сохранилась в новонайденной части архива Астраковых (ГЛМ). См. ее в книге 1-й наст. тома.

⁷ Имеется в виду Герцен.

ОГАРЕВ – АСТРАКОВЫМ

(Лондон.) 1-е окт(ября 1861 г.)¹

Друг Сергей и друг Таня, это письмо вам доставит очень хороший человек и для Сергея специально интересный!² Примите его родственно. Какая досада, что на сию минуту я один в столице, остальные все в деревне. Я им писал, чтобы прислали к вам писульку, но не получил еще, а господин этот едет, и, стало, мне приходится писать одному, а их письмо пойдет позже. Ваше письмо, Таня, у Натали; стало, у меня перед глазами только письмо Сергея, которое читаю в десятый раз, и так бы хотелось вас обоих обнять и так больно за вас и за бесплодность хлопот. Но вот что, Сергей, из бесплодности своих хлопот заключи же, что вся формула ложна и что, поправляя один член, ты ничего не исправишь; от этого и работа тебе кажется бесплодной и только тебя бесит. Дело в том, что без постановки другой формулы, ты отдельными поправками ничего не сделаешь. Мне кажется, что ты по нужде поставлен не на свою дорогу. Ты гораздо успешнее, стало, и лично и вообще удовлетворительнее действовал бы в качестве преподавателя своей науки, и я ужасно был бы доволен, если б тебе удалось попасть на этот путь. А то ведь ты, действительно, воду толчешь. Пока существует это чиновничество, вор заступает место наказанного вора. Иная доля – шел бы ты хотя в мировые посредники. Это дело ближе к делу. А как преподаватель – ты все же больше сделаешь, ибо наставишь юношей на путь истинный и в науке и в жизни. Я об этом говорил кой с кем – подумай сам. О П(авле) А(лексеевиче) я думаю, что он благородный человек³, но что при этой общей системе – ни ты, ни он, ни Христос ничего не делают, и единый исход из толчения воды – это общая перемена системы. Иначе вы все будете горевать о бессилии, тосковать в бесплодном действии и бесплодном раздражении. Я думаю, что надо оставить систему проваливаться от собственной дряни и не помогать ей, вводя местами на время подчистки. Не подчистку надо, а подготовку вне системы, чтоб на место прямо ложной формулы, поставить *приблизительно истинную* (абсолютной истины в жизни нет, друг мой), а очевидно ложную похерить. Это работа, а то – водотолчение. Что ты сетуешь на Москву, на студентов и пр., я с тобой, пожалуй, соглашусь. Москва – замечательная штука: ни единого голоса нет из Москвы, а если бывает то = 0. Профессоры, молодежь, даже “Русск(ий) вестник” представляют или уродливое тупоумие или уродливую манию. Иное дело провинция и Питер. Мы, стоящие с краю, смотрим на всю карту, и от этого общее распределение виднее; ускользает частности. А вы их только и видите. Но я не понимаю твоей привязанности к Москве. Отдал бы дом внаймы и взял бы место преподавателя в школе в ином месте. Мне бы очень хотелось, чтобы ты стал преподавателем в корпусе где-нибудь. Опыт доказал, что ты умеешь привязать к себе детей, стало, ты был бы положительно полезен и следил бы за своей наукой, которая-таки делает успехи, о чем можешь говорить с подателем сего.

Сашу ждем на днях из геолого-зоологического путешествия с Фогтом в полярные страны, где они чуть не погибли в бурю, но не погибли. Я твое письмо ему покажу. Может, оно произведет благодетельное влияние. Разумеется, не мы желаем этой женитьбы⁴. Но, может, он и выработается; он очень моложав. Ум у него есть, а инициативы нет. Я думаю, от почти 6-месячного путешествия в шхуне Фогта, который, напротив того, железный человек, повыворотился-таки. Вот посмотрим. – Тата славный человек: не могу сказать, чтоб и у ней было много инициативы, но в ней есть сердечная теплота, большой талант к живописи и порядочный в музыке. Вообще она сродни в артистическом мире, чем где-нибудь, но действительно любит Россию; в ней наша традиция не пропала. Она очень красива, сосредоточенна, застенчива, но душа теплая и добрая. – Ольга еще мала, умна и способна на всё, грациозна, резва... но выйдет человек, может, самый талантливый из всех. – Лиза, друзья мои, одно из самых светлых созданий, когда-нибудь мною виденных, – это помимо всякого пристрастия. Здорова телом, быстро развивается мозгом, вообще ребенок замечательный! От этого пользуется пристрастием к ней всего окружающего.

Теперь дохожу вот до какого отдела, над которым пишу: *секретно*, т.е. ни ты, ни Таня об этом никому ни слова и мне не отвечайте, я уже буду знать, что вы поступите по моему рецепту.

В декабре у меня будет еще ребенок. Натали фантазирует, – что вот-де, может, умру и некому поручить Лизу, т.е. из женщин. Думала, думала – говорит – Татьяна Алексеевна. Следственно, Таня, вы не удивитесь, если она к вам напишет, чтоб вы дали ей слово в случае ее смерти приехать матерински пешись о Лизе. Во-первых – я внутренне убежден, что если б я написал: “Таня, приезжайте” – вы приедете; но я вас умоляю, ни в *каком случае* не пишите ей отказа, а скажите, что, мол, да, хорошо. Этот ответ *гигиенически* нужен. Стало, вы так и сделайте. Во 2-х, я убежден, что шансов умереть теперь $\frac{1}{\infty}$. Может, она перестанет фантазировать и ничего об этом не напишет – и это может быть. Но, если напишет, вы, во всяком случае, отвечайте по-моему и, во всяком случае, никому об этом ни полслова не говорите.

Я дней 10 как воротился из деревни, одного из лучших мест не только в Англии, но в Европе⁶. Жду их скоро сюда. Они все здоровы, и я здоров, кроме удушливого головокращения, которое на меня производит этот климат, электрически-напряженный и наполненный водными парами. Припадков нет, вина вовсе не употребляю. Работаю – поменьше, чем бы хотелось. При первом случае напишу и о работах, которые скоро подвину к концу, и о самом себе. – Что сказать о Городец(ком)? ... Писем Тани у меня нет, они у Натали; вопрос у меня смутно остался в памяти. Каких книг ему? Когда все соберемся, еще подумаем, теперь не знаю, что сказать. Я постараюсь и, надеюсь, успею в очень непродолжительном времени написать. Из медиков, трудящихся научно в России, серьезно и с инициативой, я рекомендую брата Васил(ия) Петр(овича) – Сергея⁷, который в Питере. Он работает действительно. Вообще ваша Москва – ни в науке, ни в крестьян(ском) деле ничего не дает отрадного. Это что-то мертвое и пахнет падалью.

Ну, прощайте, пока. Дорого бы я дал, чтоб обнять вас на факте. Я, Сергей, ничего для себя, для собственной сердечной привязанности – кроме *его*⁸, не знаю, кого бы мне так было нужно, как тебя. С этим чувством я уехал, с этим и остаюсь. Дай же тебя крепко, крепко обнять – хоть до слезы. Авось мы увидимся. И тебя, Таня, – позволю свестись на братское *ты*, оно издалека как-то еще нужнее и отраднее.

¹ Письмо датируется 1861 г. по упоминанию о встрече Огарева с С.А. Усовым, в то время военным атташе при посольстве России в Лондоне. Позднейшая помета Астраковой на письме – 1862 – неверна.

² О том, что это письмо Огарева было передано С.А. Усовым, свидетельствует приложенная к письму визитная карточка (подлинник на французском языке): “Степан Усов, конной артиллерии его величества императора всероссийского гвардии капитан”. Он был интересен Астракову, вероятно, благодаря своим глубоким знаниям в области физики и математики.

³ П.А. Тучков, московский генерал-губернатор, дядя Тучковой-Огаревой. Его оценка Огаревым весьма субъективна (ср. XXVII, 427).

⁴ Предполагаемая женитьба А.А. Герцена на Эмме Фогт не состоялась.

⁵ В знаменателе математический знак бесконечности.

⁶ Речь идет о курортном городке Торки.

⁷ С.П. Боткин.

⁸ Имеется в виду Герцен.

Друг Сергей, писать некогда, а подателя сей записки полюби, как брата². Посылаем портреты – Ольги и Саши; Татин нехорош; нарочно сделаем и ее и Лизин. Та-та славная и Лиза забавная; Лиза – светлое создание, хорошо, кабы светло развилась. Все мы тебя и Таню обнимаем и напишем на днях.

Рукой Герцена:

Я тебе посылаю две ревизские души по фотографической переписи – да одну Татьяне Алексеевне также.

На обороте рукой Огарева:

Сергею Ивановичу Астракову. Спросить в доме генерал-губернатора.

¹ На письме помета Астраковой: "После 1860 г.". Поскольку в нем ничего не говорится о близнецах, родившихся 23 ноября 1861 г., эта дата может служить ограничительной чертой.

² О ком идет речь, установить не удалось.

37

9 марта 67.

87, Promenade des Anglais.

Nice. Alpes Maritimes. France

Дорогая Татьяна Алексеевна,

Вам не до меня, вам ни до кого, а я все-таки не могу крепко не пожать вашу руку и не сказать, что я глубоко почувствовала ваше горе или наше горе — да, еще два сердца сильно поражены были его кончиной¹ — а я, ах, Боже мой, да ведь вы, верно, знаете, все, что пало на мою долю² — не разбирайте, как чужие: "Да у нее остался ребенок, это не совершенное несчастье". Мать, которая переживает своих детей, которая обязана жить для кого-нибудь после, она выносит страшную казнь. Но зачем я говорю об себе; вам, друг мой, не легче — сижу я, и думаю, и вспоминаю его, и хотелось бы хоть на минуту остановить годы и заглянуть в прошедшее. Вижу я, как мы приезжали в санках к вам с сестрой, как Никифор нас встречал и как он был недоволен, когда узнал, что мы выходим замуж³; теперь я с ним согласна, потому что судьба нас разбросала, а вы не поверите, как Елена мне нужна стала, а еще больше после этих двух ужасных лет.

Он был моложе всех, как это случилось — зачем? Я все надеялась его видеть еще раз, просила сестру устроить это. Где вы будете, где его братья?⁴

Крепко обнимаю вас и желаю, чтоб вы нашли силы вынести такой удар — ах, какую пошлость я сказала, ну простите, все же оно сказалось от души.

Вся ваша Н а т а л и

¹ На письме позднейшая помета Астраковой: "Смерть Серг. Ив. Астракова 1866..." Он умер 24 декабря названного года.

² В декабре 1864 г. скончались дети-близнецы Нат. Ал. и Герцена — Елена и Алексей (Леля-герл и Леля-бой).

³ См. *Тучкова-Огарева*, 73.

⁴ Братья Михаил и Владимир Ивановичи Астраковы в это время еще были живы. Первый из них, чиновник межевой канцелярии Министерства юстиции, умер в 1873 г., второй — в 1899 г.

38

25 sept(embre 1867)¹. № 27. Promenade des
Anglais. Nice. Alpes Maritimes

Браните меня, Татьяна Алексеевна, браните, потому что я непростительно виновата перед вами, — испуганная болезнью тетеньки Марии Алексеевны, я откладывала день за день мой ответ. Как вас благодарить за портрет², как вам рассказать, как мне больно и хорошо было смотреть на него. Я тотчас сделала с него две копии и отдала людям, глубоко ценившим и жалеющим его. Ог(арев) был очень потрясен его кончиной, он даже писал, жалуясь, как ребенок, зачем не он умер, а Сер(гей) Ив(а-нович). Но копии все хуже портрета, а своего отдать не хочется, так не можете ли вы прислать еще две карточки, как сильно будут вас благодарить за это!

Вы спрашиваете, дорогая Татьяна Алексеевна, зачем мы все врассыпную, долго это объяснять, нет, не упишется, не расскажешь на бумаге — а если б привелось еще увидеться, мы бы поговорили.

Емилия на днях уехала — Тата со мной, она вам кланяется, помнит по преданию, как вы были близки с ее матерью, — к сожалению, ни один из трех душой не напоминает ее, лицом, может, Ольга. Зато, может, будут счастливее ее.

Часто вспоминаю ваши слова об Лизе и стараюсь, чтоб ей было хорошо, — а как

бы мне пора на боковую, да некому Лизу поручить, как я ни плохо исполняю свой долг, а без меня еще хуже будет.

Ну прощайте, крепко вас обнимаю, мужайтесь, друг мой, и вам и мне, каждой посвоему, куда как скверно и больно доживать.

На обороте: Татьяне Алексеевне.

¹ Год проставлен Астраковой: 1867. Подтверждается упоминанием о недавней смерти С.И. Астракова.

² Тучковой-Огаревой был послан фотографический портрет С.И. Астракова.

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ГЕРЦЕН – АСТРАКОВОЙ

25 декабря 1869. Париж

Рукой Тучковой-Огаревой:

Любезная Татьяна Алексеевна,

Я получила сегодня ваше письмо – очень вас благодарю и целую за него. В вашем пониманье и участие я не сомневаюсь, ну а о прочих я тоже не сомневалась в их непониманье. Дайте мне сегодня высказаться, насколько можно, письменно. Вот уже тринадцать почти лет как мы благородно и дружески расстались с Н(иколаем) П(латоновичем). Нам обоим было тяжело, мне многого стоил этот жесткий поступок – я предлагала вернуться к сестре и подумать там в тиши, что делать, что все мы благородные сумасшедшие, – он не принял – мы расстались, и новая жизнь началась для меня, тяжелая жизнь, исполненная лишений, недоразумений, тяжелых тайн – жизнь моя была мне не по силам, одни дети помогали выносить ее – потом, когда и это счастье перешло в [бездонное] бесконечное горе, мне еще труднее стало играть роль, мне противную. С одной стороны, я казалась какой-то жертвой – и это было тяжело на совести – с другой, дочь моя росла – я хотела, чтоб она знала истину, знала свою семью, сблизилась бы с ней неразрывнее – она слишком была одинока, и я ожидала со временем упреков с ее стороны: зачем не живем вместе с ее отцом¹. Он встретил женщину двенадцать лет тому назад – у нее был ребенок – эта два лица составили его семью – он привык к ним²...

Я думаю, что моя жизнь – одна из самых неудачных и тяжелых – но совесть моя покойна – я ни себя ни других не обманывала. – Если б у нас были дети³, этого бы не случилось. Да, я желала *всегда* не скрывать мою жизнь, пусть меня судят – зачем ходить под маской, – зачем искажать жизнь для того, чтоб скрывать свои поступки – да, я переменяла даже имя свое, потому что, по моим мнениям, не имела более права на прежнее имя – может, я заблуждаюсь, но вот мой взгляд⁴.

Вы спрашиваете об остальных – С(аша) женился, как вы знаете, у него уже сын 8 месяцев⁵. Он, кажется, очень доволен своей жизнью; жена его очень молоденькая работница, лицом очень красива, но несимпатична; дайте мне быть откровенной, она, мне кажется, очень холодное существо – смотрит свысока на свою бывшую семью и с нами холодна – но вот об этом не говорите, потому что Тата скрывает даже от нас, что замечает в ней, – вообще Тата всегда всех защищает, оно хорошо – но нужно видеть людей, как они есть, а не как они должны быть. Тата из трех всего более сохраняет традицию прошлого, и отец ее и Лизу, кажется, любит еще больше других – у С(аши) натура холодная, а Ольга воспитана немецкой дамой⁶; в ней русского мало и мало любви и привычки к нам всем – что делать? теперь мы будем жить вместе; если я могу ее сблизить с нашим взглядом, с родным языком, я буду рада – но я не уверена в этом: устаешь, когда видишь, что невидимая сила разрушает то, что строишь. Я вам послала портрет Ольги и Терезины, посылаю теперь Татин портрет – она постарше Ольги, но, признаюсь, и лицо и развитие ее мне гораздо симпатичнее.

Она была больна два раза в довольно короткий срок – я за ней ходила, и мне кажется, что она поняла мое участие, мы стали ближе. У Ольги хороший голос, она хочет сделаться артисткой. Вернувшись сюда из Флоренции, мы нашли их кузину Полину, которая скоро будет дебютировать⁷, и это хорошо действует на Ольгу.

Очень рада, что вы видели сестру, — бедная, разлука с сыном ее измучила⁸ — я понимаю это и ценю такое сердце — много еще жертв ждут ее — старшая ее дочь⁹ мне заочно сделалась великим другом и утешителем, а видеть ее, может, никогда не приведется. Удивляюсь ей, как она забывает себя, работает для семьи, для бедных сирот, какой широкий взгляд на жизнь, и все это выработалось само собой, а здесь я вижу, как дети растут в эгоизме, требуют многого, ничего не дают, а деньги нужны, чтоб не зависеть от других, но они клеймят тех, которые имеют больше, чем нужно для жизни.

Зато Париж так дорог, что мы не можем здесь остаться, как хотели, — одна материальная жизнь поглощает весь доход, а там надо еще одеться, а там уроки. Вы, может, не знаете, что Тата была очень больна, мы должны были все бросить и ехать к ней во Флоренцию из Парижа и потом обратно сюда через месяц со всеми. Все это вывело ее отца из бюджета его — вы знаете, он никогда не копил, многим должен помогать, ни копейки ни откладывает, но никогда не касался до капи(та)ла — а нынче должен был занять (из него) 10 000 f. С(аша) как женатый получает уже больше прежнего. В Америке он, правда, ничего не потерял до сих пор¹⁰, но в продолжении нескольких лет с одной части капитала не получал процентов, теперь опять получает проценты, но не сполна. Я это рассказываю, чтоб вы поняли его дела — на сию минуту ему невозможно было бы прислать 500 р., но, как мы устроимся, я знаю, что вы верите в его искреннее желанье сделать это, — вы слишком давно его знаете, а он все тот же, — пока напишу сестре — хоть неаккуратно, а все же присылают, не все ли равно — вам прислать. Прошное лето мы бы могли вам прислать с оказией, с которой прислала вам портреты. Прощайте. Крепко вас обнимаю.

Ваша N.

Пишите мне: "Г-же Мейзенбург в Париже. Poste restante pour remettre à m-me Natalie"^{21*} без фамилии, и Мар(ии) Ал(ексеевне)¹¹ сообщите этот адрес.

Рукой Герцена:

Всякий раз строка от вас будит так много образов из иных времен, отводит за слишком 30 лет — и так хочется вам пожать руку.

¹ Напомним, что Лиза, дочь Герцена и Тучковой-Огаревой, официально считалась дочерью Огарева.

² Гражданской женой Огарева была англичанка Мери Сетерленд. Ее сын Генри воспитывался Огаревым.

³ То есть дети от Огарева.

⁴ В июле 1869 г., приехав в Бельгию, Герцен оформил свои отношения с Нат. Ал., официально объявив ее своей женой и переименовав ее фамилию на свою.

⁵ В 1869 г. А.А. Герцен женился на Терезине Феличи, и в 1869 г. у них родился первенец — Владимир.

⁶ М. Мейзенбург.

⁷ П.С. Левицкая, дочь двоюродного брата Герцена С.Л. Левицкого, стала известной певицей.

⁸ У Елены Алексеевны Сатиной было четверо сыновей. О каком из них идет речь — неизвестно. Скорей всего имеется в виду поступление старшего, Алексея, в университет.

⁹ Наталья Николаевна Сатина (Тата).

¹⁰ Подразумеваются американские денежные бумаги Герцена.

¹¹ М.А. Тучкова — тетка Тучковой-Огаревой.

Дорогая Татьяна Алексеевна,

Еще наказание от жизни — или последствие многого.

Я думала (в) 1864 году, что я была самое несчастное существо на земле² — но этот удар оглушил, отнял понимание о прошлых ударах — если б не Лиза, я вышла бы на волю³ — мне тесно и душно в жизни, и нет искупающих причин. — Бедная Лиза, она

^{21*} "До востребования, для передачи г-же Натали" (франц.).

ГЕРЦЕН НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Рисунок Ж. Спринка (карандаш). Париж. 21 января 1870 г.

Внизу подпись художника: "d'après nat(ure). J. SPRINK. Paris 21. Janvier (18)70" ("С нат(уры) Ж. Спринк. Париж, 21 января (18)70")

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

"...благородство лица Герцена, его чудный лоб, его фамильный нос с горбинкой, так же, как и вся его духовная сила и мощь в выражении лица (...) переданы иностранным художником – Sprink'ом (...) сколько красоты в этом спокойном отдыхе смерти утомленного, измученного жизнью борца!!" (Е.С. Некрасова. Похороны Герцена)

не знает, как ужасно ее несчастье. Тата здорова теперь – несчастье ее укрепило. – Она в Женеве у Ник(олая) Плат(оновича). Он очень огорчен, ищет выхода в работе.

Болезнь вот в чем состояла: вдруг сделалось воспаление легких – он бы вынес, но диабет обратил быстро воспление в гниение легких, в пятницу вечером занемог – в четверг в ночь его не стало...

Диабет образовался после кончины детей (в) 64 году – излом ноги Ник(олая) Плат(оновича)⁴ нанес страшный удар болезни – а последний удар была болезнь Таты⁵ – ко всему прибавьте много тревог.

Не сумела я ни в чем ему помочь, ни в чем облегчить – тянет туда за ним – молодые должны жить, – а старые? чего ждать – но на все – один ответ: надо до конца пить чашу для Лизы – до конца? Мне только сорок лет...

Саша вам дружески жмет руку.

Хотелось взять клюку и идти по свету, не останавливаясь, – встретится же избавительница-смерть.

Это случилось в 2 часа ночи с 20 на 21, в четверг на пятницу.

Обнимаю вас, друг мой, не плачу – слез нет для этого горя.

¹ Письмо на бумаге с траурным бордюром. Оно является ответом на письмо Астраковой от 27/15 января 1870 г. о смерти Герцена.

² Речь идет о кончине близнецов Лели-гёрл и Лели-боя.

³ Т.е. покончила бы с собой.

⁴ В конце февраля 1868 г. Огарев сломал себе ногу.

⁵ Психическое заболевание Таты в 1869 г. См. о нем и ряде публикаций наст. тома.